КНИГА II

НИКА ЛЕТТА

НЕ МОЙ ВЫБОР
ПЛЕН ТВОИХ ГЛАЗ

18+

ПОДАРКИ ВСЕЛЕННОЙ

Ника Летта

Не мой выбор. Плен твоих глаз

«Автор»
2025

Летта Н.

Не мой выбор. Плен твоих глаз / Н. Летта — «Автор», 2025 — (ПОДАРКИ ВСЕЛЕННОЙ)

У неё одна задача: вернуть подругу домой и не стать чьей-то самочкой. У него — свои планы, железные нервы, пугающая выдержка и один очень неудобный вопрос: почему эта невозможная женщина всё сильнее сбивает его с курса? Культурный шок, космос, земной быт, чужие инстинкты, опасные поцелуи и героиня, которая вообще-то просто хотела вернуть контроль над собственной жизнью. Ироничная космоопера о свободе, выборе и мужчине, которому придётся доказать: он не просто самый опасный. Он — тот самый.

© Летта Н., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Чинуши и на вас найдется управа 5
Глава 2. Планета, где слишком много женщин 9
Глава 3. Кислородный вентиль 14
Глава 4. Белая комната. 18
Глава 5. Такси до ада. 21
Глава 6. У вас когда овуляция? 25
Глава 7. Мышь-приживалка и сиреневые тефтели 29
Глава 8. Продать себя подороже 33
Глава 9. Слабость — это тоже выбор 37
Глава 10. Глыба льда или Не стоит благодарности 41
Глава 11. Лучшее из плохого 45
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Ника Летта
Не мой выбор. Плен твоих глаз

Глава 1. Чинуши и на вас найдется управа

— Машка! — голос Веры ворвался в ординаторскую раньше неё самой. — Хватит там свои мемуары строчить, дедулю привезли.

Я оторвалась от ноутбука и посмотрела на подругу.

Вера прижимала к груди историю болезни так бережно, словно там лежал младенец, а не папка Евдохина Вячеслава Борисовича. Один взгляд на титульник — и настроение испортилось окончательно.

— Ага, — я захлопнула ноутбук. — И он жить без меня не может. Буквально.

Дедуля Евдохин был нашим сезонным бедствием. Каждые полгода героически возвращался в терапию, чтобы пару месяцев выносить нам мозг, печень, нервы и остатки веры в человечество. Алкоголик наш бедненький. Почти родной.

— Ну зачем ты так, — мягко пожурила Вера. — Совсем очерствела после…

— После очередного трагичного мужика? — перебила я, вставая. — Верунь, я не очерствела. Я просто наконец поняла, что у меня не сердце, а пункт временного содержания моральных инвалидов.

Вера вздохнула.

Она вообще часто вздыхала рядом со мной. Видимо, её ангельская натура так выпускала пар, чтобы однажды не взять и не приложить меня чем-нибудь тяжёлым по голове.

А ведь я правда всегда питала слабость к трагичным мужчинам.

Как же иначе? Когда есть кого утешить, приласкать, сказать “всё будет хорошо”, а в ответ на тебя смотрят так, будто ты не женщина, а фляга воды, вручённая умирающему в пустыне. В такие моменты чувствуешь себя нужной. Необходимой. Опорой. Центром его покосившейся вселенной.

Правда, недолго.

Ровно до тех пор, пока не устаёшь ежедневно подпирать чужое величие плечом и не начинаешь требовать хотя бы одного телодвижения в сторону светлого будущего. После этого ты из музы превращаешься в пилу.

В общем, мужчин я выбирать не умела. Есть у меня такой изъян.

Зато диагнозы ставила быстро.

— Евдохина в третью, — сказала я уже деловым тоном, забирая у Веры папку. — Давление, сахар, сатурацию сразу. Практиканта к нему не подпускать: дед начнёт умирать театрально и просить “капельницу покрепче”. Фролова где?

— Она должна была сегодня дежурить, но…

— Но вместо неё опять ты, — закончила я, открывая холодильник с препаратами. — Так. Ампулы беру я. Перчатки — ты. Шприцы — два десятки, две пятёрки. И найди мне Славика, пусть не делает вид, что он мебель.

— Маш…

— Что?

— Я просто тебя поддержать хотела.

Я замерла с коробкой перчаток в руке. Вера была из тех людей, кого хочется защищать даже от собственного языка. А мой язык, будем честны, был не инструмент общения, а холодное оружие массового поражения.

— Ладно, Верунь, — выдохнула я. — Что со мной станется? Не он первый, не он последний. Кстати, нового медбрата видела? Говорят, неженат.

Вера тут же смягчилась.

— Вот теперь я вижу настоящую Машку. А то зарылась в ноутбук и нос не сунешь.

— Настоящая Машка сейчас построит отделение, потому что кто-то опять решил, что график дежурств — это художественная литература.

Штат был полный, практикантов — пруд пруди, но если их не расставить по местам, они либо толпились у чайника, либо исчезали в туалете с видом людей, постигающих тайны мироздания. Поэтому я, как человек добрый и социально опасный, взяла на себя роль внутреннего будильника.

— Славик! — крикнула я в коридор. — Если ты сейчас не материализуешься у третьей палаты, я лично оформлю тебе переселение в морг. Практическое занятие будет незабываемым!

Из-за угла высунулась испуганная физиономия практиканта.

— Я тут.

— Уже лучше. Дед Евдохин. Давление, пульс, сатурация. Без героизма, без философских бесед и без обещаний принести ему “что-нибудь для души”. Для души у него будет физраствор.

Вера прикрыла улыбку ладонью.

Большой разгул со стриптиз-клубом я, естественно, запланировала на завтра. У Анютки сегодня был день рождения. Сегодня — торт, шарики, символический коньяк и внезапное появление двух лучших подруг с лицами “ну что, думала, забыли?”.

С Верой такой номер не прокатил бы. Она бы успела расстроиться, простить, расплакаться и накормить нас пирожками. Анька была отходчивая. В этом смысле удобная подруга.

А потом всё сломалось.

— Анастасия с роддома у вас не появлялась? — спросила санитарка, заглянув в процедурную.

Я подняла голову.

— Какая Анастасия?

***

Главврач слушала нас с таким лицом, будто мы пришли не сообщить о пропаже человека, а попросить служебный вертолёт до магазина.

— Молодёжь нынче безответственная, — процедила она, перебирая бумаги. — Смена не окончена, рабочее место покинула. Будем оформлять.

— Что оформлять? — не сразу поняла Вера.

— Увольнение.

Я почувствовала, как внутри что-то неприятно щёлкнуло.

— Вы серьёзно? Человек пропал посреди смены.

— Ваша подруга совершеннолетняя. Может, у неё личная жизнь.

— У Анютки? Да у её кота личная жизнь насыщеннее.

Вера вцепилась мне в рукав, но я уже завелась.

— Она не могла просто уйти и никому ничего не сказать.

— Мария, — главврач посмотрела на меня поверх очков, — хотите отправиться следом? В смысле — за дверь. С записью в трудовой?

Вот так, собственно, и работает сострадание в медицинских учреждениях. Пока ты пациент — тебе обязаны улыбаться. Как только ты сотрудник — сцепи зубы и не мешай отчётности.

Нас не отпустили.

Мы доработали смену с ощущением, будто стоим на краю чего-то очень плохого и всё равно продолжаем раскладывать таблетки по ячейкам. Вера несколько раз звонила Анютке. Я звонила. Телефон молчал.

К Анютке домой мы летели так, будто от скорости зависела её жизнь. Дверь никто не открыл. Зато из-за неё раздался такой вопль, что у меня сердце ухнуло куда-то в желудок.

— Стеша, — прошептала Вера.

Степанид, ласково именуемый Стешей, был котом Анютки. Точнее, шерстяным самодержцем с дурным нравом, тяжёлым взглядом и уверенностью, что весь мир создан исключительно для обеспечения его Вискасом. Анька могла сама перебиться булочкой и водой, но Стеша голодным не оставался никогда.

Никогда.

Сосед-алкоголик подтвердил за бутылку водки, что Аньку не видел со вчерашнего дня. Свидетель, конечно, надёжностью напоминал табуретку на трёх ножках, но другого у нас не было.

И вот тогда мне стало по-настоящему страшно. Потому что одно дело — человек пропал на пару часов. Другое — дома сутки орёт голодный кот, а хозяйка не появляется.

Полиция наш аргумент не оценила.

Следователь, мужчина с лицом уставшего от женской логики памятника, выслушал нас и сказал:

— Если ваша подруга не объявится через три дня, приходите.

— У неё кот голодный, — выдала Вера.

Следователь посмотрел на неё так, словно она предъявила в качестве свидетеля комнатный фикус.

— Девушки, кот — не основание для розыска.

Вот тут я окончательно поняла: мужчины многого не понимают.

Им невдомёк, кем коты приходятся одиноким женщинам. Это не “животное”. Это родственник. Пушистый, наглый, временами неблагодарный, но всё равно родственник. Он выслушает без упрёков, примет в шерсть сопли, слижет слёзы шершавым языком, а потом величественно даст понять: “Хватит реветь, наше благородие пора кормить”.

И если такой родственник сутки орёт под дверью — значит, случилось что-то очень плохое.

Но “умом Россию не понять”. Особенно если этот ум в погонах и считает, что женщина до трёх суток официально не пропала, а просто “гуляет”.

Три дня прошли. Потом неделя. Потом месяц. Анька не вернулась.

Мы с Верой, так и не добившись от полиции ничего, кроме усталых взглядов и намёков “не мешайте работать”, обратились в детективное агентство.

Наши сбережения таяли, как снег на раскалённой сковородке. Информации было — кот наплакал. Причём кот, скорее всего, Стеша: громко, трагично и без особого результата.

Но одна зацепка всё же появилась. След вёл к автомобилю одного предвыборного кандидата. Да-да. Не жизнь, а бульварный детектив с плохим редактором.

По словам очевидцев, машина сбила женщину, похожую на Анютку, в день её исчезновения. Потом женщина будто испарилась. Ни скорой. Ни заявления. Ни тела. Ничего.

Попасть к кандидату оказалось сложнее, чем в реанимацию без бахил.

Секретарь в его приёмной улыбалась так, будто родилась с инструкцией “не пущать”. Первые два раза она кормила нас фразами про плотный график. На третий я пришла с папкой.

В папке лежали копии заявлений, фотография Анютки, список вопросов и распечатанный маршрут его машины.

— Запишите нас, — сказала я.

— Владимир Сергеевич очень занят.

— Тогда я сяду здесь.

Секретарь моргнула.

— Простите?

— Сяду вот на этот диван. Вызову местную прессу, напишу пост, отмечу штаб, приёмную и вашу чудесную люстру. Заголовок будет простой: “Кандидат отказывается говорить с подругами пропавшей медсестры”. Не шедевр, но кликабельно.

Вера рядом сделала маленький звук умирающей совести. Секретарь посмотрела на меня с ненавистью. Я посмотрела на неё с пониманием. Работа у неё нервная, не спорю.

Через сорок минут наше рандеву состоялось.

Он был гладкий. Очень правильный. Из тех мужчин, у кого костюм стоит дороже твоей жизни, а улыбка — дешевле бахил.

— Мне жаль вашу подругу, — сказал он. — Но я не имею к этому никакого отношения.

— Тогда вам не составит труда объяснить, почему ваша машина была рядом с местом предполагаемой аварии.

Он улыбнулся.

— Машина не человек. Её мог вести водитель.

— Отлично. Фамилию водителя.

Пауза была крошечная, почти незаметная. Но я её увидела.

— Этим занимаются компетентные органы, — сказал он.

— Компетентные органы три дня объясняли мне, что голодный кот не аргумент. Не переоценивайте их в моих глазах.

Вера рядом сжалась, но не отступила.

— Мы это просто так не оставим, — сказала я, поднимаясь.

Фраза вышла пафосная, почти киношная. В другой ситуации я бы над собой посмеялась. Но тогда мне было не до смеха.

Дальше началась гонка.

Мы искали записи, свидетелей, любые следы. Детектив копал. Вера плакала ночами, а днём приносила мне чай и делала вид, что держится. Я злилась за нас обеих.

Кандидат тоже не бездействовал. С его ресурсами против наших — примерно как танк против двух медсестёр с тортом “Наполеон”. Он даже пытался подкупить детектива, когда запахло жареным. Особенно после того, как нам удалось найти запись с регистратора у светофора: его автомобиль проехал там спустя пятнадцать минут после предполагаемой аварии.

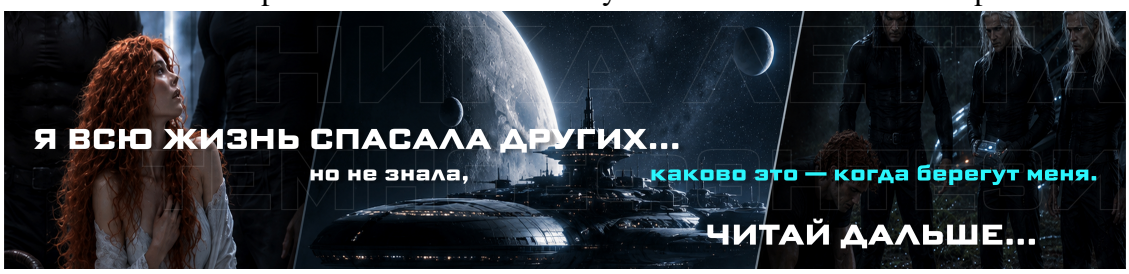
Казалось, ещё немного — и мы дожмём. Ещё чуть-чуть — и Анька найдётся. Но вмешался рок.

И самое мерзкое — даже этого политика я в случившемся обвинить не могла. Насколько бы влиятельным он ни был, над природой он власти не имел.

Землетрясение началось днём.

Город, который ещё минуту назад жил, ругался, лечился, рожал, покупал хлеб и врал в предвыборных листовках, вдруг начал рассыпаться. Здание, где находился офис нашего детектива, рухнуло.

Сотни жизней оборвались за несколько минут. В том числе — почти Веры.

Глава 2. Планета, где слишком много женщин

Пол года спустя
Доусэт ки Тииар

— Что? Ты издеваешься?

Драст молчал.

Вот это и было самым плохим. Если бы он усмехнулся, фыркнул, отвёл взгляд — ещё можно было надеяться, что передо мной разыгрывают идиотскую шутку ради поднятия морального духа экипажа.

Но нет.

Капитан смотрел серьёзно.

Когис, стоявший чуть в стороне, явно проигрывал сражение с собственным лицом. Губы у него подрагивали, хвост подозрительно замер, а глаза блестели так, будто он уже мысленно наблюдал мой позор во всех подробностях.

Шибарийцы же держались лучше.

Слишком лучше.

Каменные морды, невинные взгляды, в руках — целый набор приспособлений, от которых у любого уважающего себя воина должно было проснуться желание немедленно открыть шлюз и выйти в космос без скафандра.

— Я, по-твоему, похож на самку, которую можно красить, выщипывать и укладывать? — уточнил я.

— Нет, — спокойно ответил Драст. — Именно поэтому начинать придётся немедленно.

Когис издал какой-то сдавленный звук.

Я медленно повернул к нему голову.

— Смешно?

— Нет, — слишком быстро ответил он. — Стратегически интересно.

— Стратегически я сейчас оторву тебе хвост и назову это тренировкой реакции.

— Сэт, — вмешался Драст, и в голосе его прозвучала та самая усталость, которая появлялась только в двух случаях: когда кто-то мешал операции или когда речь заходила о его астниере. — Ты единственный, кто сможет сойти за местного самца. При условии, если мы изменим волосы, глаза, голос и уберём всё, что выдаёт твоё происхождение.

Я посмотрел на него, потом на шибарийцев и снова на Драста.

— То есть почти всё.

— Почти, — подтвердил он.

В этот момент я понял: долг жизни — крайне неудобная вещь. Особенно когда должен его не просто отдать, а отдать в таком виде, что потом тебя будут помнить не как воина, а как тот самый случай, когда ицтека перекрасили ради земной самки.

— Драст, с тебя долг, — процедил я.

— Запомню.

— Нет. Ты запишешь, кровью, на металле. И отдашь мне при свидетелях.

Когис всё-таки хмыкнул. Шибарийцы оживились, как хищники, которым наконец разрешили приступить к трапезе.

Вот ведь низары.

Сделают гадость — и рады. А главное, потом ведь даже мстить нельзя. Они исполняли прямой приказ капитана. Чистые, невинные, законопослушные твари.

Ноир явился через несколько минут, держа в руках крошечный модуль переводчика. На лице у него было выражение творца, которому сейчас позволят вживить своё гениальное изобретение в живую плоть.

— Не смотри на меня так, — предупредил я.

— Как?

— Как на удачную возможность проверить теорию.

— Но это и есть удачная возможность проверить теорию.

Я закрыл глаза. Звёзды, дайте мне терпения. Или цель, в которую можно ударить.

Процедуры заняли меньше времени, чем я ожидал, но больше, чем хотел бы. Волосы затемнили, изменили структуру, убрав естественный блеск. Цвет глаз приглушили до человеческого оттенка. На кожу нанесли маскирующий слой, выровнявший тон и скрывший признаки, которые аборигены могли счесть странными.

Потом были мембраны. И вот тут я почти пожалел, что согласился.

— Расслабь голосовые связки, — велел медик.

— Я тебе сейчас расслаблю череп.

— Чем сильнее сопротивление, тем неприятнее внедрение.

— Это угроза?

— Медицинский факт.

Шибарийцы переглянулись, Когис отвернулся, а Амадан даже бровью не повёл. Предатель.

Когда всё закончилось, в ухе тихо щёлкнул ретранслятор. На внутренний канал легла программа лингво. Голосовые мембраны неприятно тянули горло, но работали. Проверка показала, что я могу воспроизводить местный язык без сильного акцента.

— Скажи что-нибудь, — попросил Ноир.

Я посмотрел на него и произнёс на языке Сии:

— Если я после этого выживу, ты первым проверишь, как твой переводчик работает под водой.

Когис всё-таки расхохотался. Драст коротко кивнул:

— Работает.

Последними установили фильтры в носовые перегородки. Органические, самонастраивающиеся, рассчитанные прежде всего на блокировку женских феромонов. После данных, полученных от Сии, Драст не стал рисковать. И правильно сделал.

Хотя тогда я ещё не понимал, насколько правильно. Мы вошли в атмосферу родной планеты его астниеры в невидимом режиме. Накануне Ноир вскрыл один из их спутников.

Это даже взломом назвать было трудно. Скорее, он осторожно постучал в дверь, а дверь сама упала внутрь вместе с половиной стены.

— Примитивно, — вынес он вердикт. — Но местами забавно.

На экранах сменялись карты, потоки данных, языковые блоки, названия стран, новости, маршруты, медицинские учреждения, списки правителей.

Я смотрел и всё сильнее убеждался: планета больна. Не в медицинском смысле. Хотя, судя по их справочникам, и в медицинском тоже.

Но главное — в устройстве. Куча территорий, правителей. Куча языков и законов. Одни и те же виды разумных существ веками делили одну планету так, будто им мало было места под одним светилом.

— Как они вообще не уничтожили друг друга? — пробормотал Когис.

— Судя по архивам, пытались, — сухо ответил Ноир.

— Воинственная раса, — сказал Драст.

Он говорил спокойно, но я знал его достаточно хорошо, чтобы услышать под этим спокойствием напряжение.

Его интересовала не Земля или ее люди. А только шанс для его маленькой астниеры.

В этом был весь Амадан тар Драст: если цель определена, остальное превращается в препятствия, ресурсы или риск.

Мне это нравилось. И тревожило.

— Запомни, — произнёс он уже мне. — Не вступай в конфликт без необходимости. Не демонстрируй силу. Не провоцируй местных воинов. Если столкновение неизбежно — минимальный урон.

— Понял.

— И не убивай.

Я медленно повернул голову.

— Ты сейчас на всякий случай уточнил?

— Да.

— Низаров капитан.

— Долг можешь увеличить ещё на один пункт.

— Увеличу.

Посадка прошла мягко. Шаттл опустился на небольшой участок, окружённый растительностью. По местным данным, рядом проходила дорога, ведущая к крупному населённому пункту. Дальше — больница, где теоретически можно было найти подходящий орган.

Теоретически. Самое мерзкое слово в любой операции.

Экипировка была простой: средство связи, анализатор воды и пищи, мини-портативный короб телепорта для образцов крови, маяк, несколько шариков fastigyo и маскирующие документы, собранные Ноиром из земных баз.

— У них это золото, — пояснил он, передавая мне металл.

— Этот мусор?

— У них в цене.

Я посмотрел на шарики. Планета становилась всё страннее.

— Сэт, — сказал Драст у трапа. — Связь держишь постоянно. Если почувствуешь, что фильтры не справляются, сразу докладываешь.

— Я не неопытный мальчишка.

— Именно поэтому идёшь ты.

С этим спорить было сложнее. Я кивнул и шагнул наружу.

Первое впечатление было простым.

Тут воняло.

Я застыл, едва не потеряв контроль над дыханием. Воздух ударил по рецепторам сразу: влажный, тяжёлый, грязный, с примесью гнили, металла, дыма и чего-то ещё, что мой организм категорически отказался распознавать как пригодную среду.

Глаза защипало, а горло сжалось. Я закашлялся, согнувшись пополам.

— Дан… — прохрипел я в передатчик. — Ты уверен, что воздух не отравлен?

— Показатели в пределах допустимого, — отозвался он. — Кислорода меньше, чем нам привычно, но дышать можно.

— Можно — понятие растяжимое.

— Фильтры?

— Феромоны не пропускают. Вонь — к сожалению, да.

На канале кто-то тихо фыркнул. Кажется, Когис. Я сделал глубокий вдох и пожалел об этом решении всем телом.

Вокруг росли странные низкие деревья. Тонкие, серые, какие-то усталые. Листья — коричневые, жухлые, будто планета уже начала умирать, а её жители просто не заметили.

Под ногами хрустнул мусор. Я опустил взгляд.

Куски прозрачного материала. Обрывки упаковок. Металлические банки. Окурки. Ещё какие-то следы жизнедеятельности цивилизации, явно уверенной, что собственный дом можно использовать как склад отходов.

— Они это выбрасывают прямо на землю, — сообщил я.

— Что именно? — заинтересовался Ноир.

— Всё.

Пауза.

— Уточни.

— Нет.

Я отошёл от шаттла, чтобы минимизировать риск быть замеченным, и двинулся к дороге.

Лесок закончился быстро. Слишком быстро. Открылось поле, дорога и движущиеся по ней кары-коробки.

Я остановился. Несколько секунд просто смотрел. Потом одна из машин подпрыгнула на яме, резко вильнула, выпустила облако чёрного дыма и понеслась дальше.

— Они передвигаются в этом добровольно? — спросил я.

— Передай изображение, — тут же потребовал Когис.

Я отсканировал дорогу. На канале воцарилось молчание.

— Это транспорт? — осторожно уточнил Ноир.

— Нет, — сказал Когис. — Это попытка самоубийства с колёсами.

Я был с ним согласен. Люди неслись по серой полосе с такой скоростью, будто за каждым гнался личный враг. Дорога была неровной, местами проваленной, транспорт дымил, ревел, визжал, а водители почему-то считали это нормальным.

Потом ветер донёс до меня очередной выхлоп. Я снова согнулся от кашля.

— Сэт? — голос Драста стал резче.

— Жив, — выдавил я. — Пока. Но если ваша астниера выросла в этом, я начинаю понимать, почему она такая упрямая. Тут иначе не выжить.

— Продолжай движение.

— Иду.

К ближайшему населённому пункту вёл поток машин. Значит, мне туда.

Я держался подальше от дороги, периодически задерживая дыхание, когда ветер менялся. Шёл быстро, но без демонстрации возможностей. Местные могли отличаться низким уровнем технологий, но недооценивать их я не собирался.

Сия называла их людьми. Люди, судя по данным, были опасны. Медленно развивались, быстро убивали, охотно лгали и обладали удивительной способностью приспосабливаться к любой мерзости, включая собственный воздух.

К полудню впереди начали подниматься сооружения. Сначала я решил, что это искажение атмосферы.

Потом — что мираж. Потом отсканировал.

— Драст.

— Да.

— Я понял, как они с таким количеством населения ещё не захватили соседние планеты.

— Как?

— Они строят вверх.

— Насколько вверх? — оживился Когис.

Я передал изображение. На экране моего дипловизоратора город вырастал тяжёлой серой массой. Высокие здания, плотные ряды окон, дороги, узлы движения, линии проводов, трубы, рекламные конструкции.

Город не был построен. Он, скорее, нарос. Как опухоль.

— Мы так строили семь тысяч лет назад, — задумчиво сказал Когис.

— Не сравнивай, — ответил я. — Мы не душили собственную планету.

— Оценочное суждение, — заметил Ноир.

— Нет. Запах.

К городу я подошёл ближе к вечеру. И вот там операция почти закончилась, не начавшись. Сначала я услышал шум: крики, сигналы коробок на колесах, музыка, разговоры, ужие запахи. Десятки, сотни, тысячи тел, сжатых в одном пространстве.

Я привык к базам. К рынкам. К военным портам. К местам, где много разумных существ. Но это было другое Хаос без формы.

И посреди этого хаоса — женщины.

Везде.

На тротуарах, у остановок, у магазинах. Одни, группами, молодые, старшие. С открытыми волосами, с открытыми руками, с открытыми шеями. Без сопровождения, охраны и знаков принадлежности роду.

Они шли, смеялись, спорили, несли пакеты, говорили в маленькие прямоугольники, махали руками, толкались плечами с самцами и даже не понимали, насколько невозможной выглядит эта картина.

Я остановился. Мозг на несколько секунд отказался обрабатывать увиденное. Фильтры работали. Я это чувствовал. Но дело было не только в феромонах.

Дело было в мире. На Аттере самка — редкость. Ценность. Риск. Причина войн, союзов, охраны, правил, запретов, крови. У нас тоже

А здесь… Здесь они просто переходили дорогу.

— Сэт? — голос Когиса донёсся будто издалека.

Я не ответил, молча передал изображение. Потом ещё одно, и ещё. На канале стало тихо. Совсем. Даже шибарийцы заткнулись.

— Дан, — сказал я наконец. Голос получился глухим. — Я возвращаюсь.

— Причина?

— Их слишком много.

Я не знал как подобрать слова

— Женщин?

— Самок, — резко поправил я и тут же стиснул зубы. — Если я среагирую хоть на одну из них неправильно, операция сорвётся. Тут даже фильтры не помогут. Это не запах. Это… — я оглянулся на улицу, где две девушки, смеясь, прошли мимо группы мужчин, и никто не попытался их остановить. — Это ошибка мироздания.

Глава 3. Кислородный вентиль

Драст молчал недолго.

— По-твоему, зачем я взял лучших инженеров в области медицины?

Я медленно выдохнул.

— Ты предусмотрел и это?

— Я предполагал, что данные Сии могут быть неполными.

Шибарийцы на канале явно расправили плечи. Даже через связь чувствовалось их самодовольство.

— Передайте ему вторичный блок стабилизации, — приказал Драст. — Сет, активируй маяк. Через порт получишь усилитель фильтрации и нейромодуль подавления реакции. Временный. На несколько часов хватит.

— Ты понимаешь, что я потом откручу тебе хвост?

— Понимаю.

— Медленно.

— После возвращения.

Вот поэтому Драст и был хорошим капитаном. Он не спорил с очевидным.

Через мини-порт пришёл крошечный контейнер. Установка заняла несколько минут и была неприятной. Новая волна холода прошла по носовым перегородкам, затем ниже, к горлу и груди. Мир будто отдалился на шаг. Запахи притупились. Реакции стали ровнее, не исчезли совсем . Но теперь я снова мог думать.

— Стабильно? — спросил Драст.

— Относительно.

— Продолжаешь миссию.

— Есть, капитан.

Когис тихо добавил:

— И не засматривайся.

— Я запомню это, когда буду выбирать тебе место захоронения.

— Принято.

Дальше Ноир вывел маршрут.

Больница находилась в центральной части города. По местным меркам — крупное медицинское учреждение. По нашим — странное скопление коридоров, устаревших приборов, человеческой боли и бумажных ритуалов.

Земля оказалась планетой, где расстояние измерялось не только длиной пути, но и количеством препятствий: дороги, толпы, переходы, сигналы, машины, запахи еды, запахи грязи, запахи страха, запахи лекарств, запахи старости.

И женщины. Везде женщины. Я учился не смотреть.

На Аттере не смотреть на чужую самку — уважение и безопасность. Здесь не смотреть было почти невозможно, потому что они сами занимали пространство. Не прятались и не ждали разрешения. Не уступали дорогу просто потому, что рядом самец.

Одна даже толкнула меня плечом и бросила:

— Смотреть надо, куда прёшь!

Я замер. Потом понял перевод. Потом решил, что если эта планета выжила, то только потому, что её самки тоже воинственные.

К вечеру я дошёл до больницы.

Здание встретило меня облупленными стенами, запахом антисептика, усталости и безысходности. У входа курили люди в белой одежде. Рядом спорили двое мужчин. Женщина с

ребёнком ругалась в маленький прямоугольник. Старик на лавке кашлял так, будто его лёгкие давно подали прошение об увольнении.

Я остановился у ограды и отсканировал корпус. Внутри было много людей, больных, мало порядка. Но именно здесь могла находиться цель. Я включил связь.

— Дошёл.

— Что видишь? — голос Драста стал тише.

— Лечебница. Если это можно так назвать.

— Да. Здесь найдёшь нужное сердце.

Я посмотрел на окна. За одним из них кто-то умирал. За другим кто-то надеялся.

А где-то внутри этой человеческой, шумной, грязной, хаотичной лечебницы находился орган, который должен был спасти астниеру моего капитана.

Для нас — задача. Для них — жизнь. Я тогда ещё не знал, насколько это окажется важным.

— Начинаю внедрение, — сказал я.

И вошёл внутрь.

Маша

Теперь моя жизнь делилась не на “до” и “после”, а на смены, больничные коридоры, выплаты, ремонт квартиры и реанимацию.

Я сидела рядом с Верой и держала её прохладную ладонь.

— Всё будет хорошо, — сказала я.

И тут же поморщилась. Ненавидела эту фразу. Слишком часто её говорят, когда не могут предложить ничего полезного.

— Ладно, вру, — прошептала я. — Я не знаю, будет ли хорошо. Но пока я живая, плохо окончательно не будет. Договорились?

Аппарат ответил ровным писком, я сжала её пальцы.

— Завтра у меня смена. Так что жди меня послезавтра. И попробуй только не дождаться.

Ответа, конечно, не было. Только ровное дыхание аппарата, тонкие трубки. Только кожа, кости и моя идиотская вера, за которую я цеплялась зубами.

Я вышла из реанимации, вытирая щёки рукавом. Коллеги смотрели жалостливо. Это раздражало почти сильнее равнодушия. Сочувствовать легко, когда чужая боль не требует от тебя ничего, кроме скорбного лица.

А мне нужна была не жалость.

Мне нужны были деньги.

И вот тут начиналась самая мерзкая часть моей жизни.

Человек, которого я ненавидела, оплачивал программу поддержки пострадавших. Благодаря этой программе Вера до сих пор была жива. Искусственное поддержание жизни — удовольствие дорогое. Моей зарплаты медсестры, пусть и старшей, хватало разве что на то, чтобы не умереть самой. И то без излишеств.

Все сбережения ушли детективу. Ремонт квартиры после землетрясения жрал остатки сил и денег. Стешу пришлось одать родилям на содержание. А теперь ещё начали поговаривать, что финансирование сократят.

Средства, видите ли, нужны пациентам с более оптимистичными прогнозами. А Вера… простите за медицинскую честность… “лежачий овощ”.

Я ненавидела этого политика. И была ему благодарна. От этого хотелось выть. Если понадобится, я пойду к нему. Буду просить. Давить. Торговаться. Умолять тоже буду, если другого выхода не останется. Хоть на коленях перед этим безупречно выглаженным чудовищем встану, лишь бы он продолжил платить.

— Прости, Ань, — прошептала я.

***

— Извините, — пробормотала я, не глядя, и торопливо стёрла салфеткой мокрые щёки.

Столкнулась я с кем-то почти у поворота. Не сильно, но достаточно, чтобы меня качнуло. Мужчина успел придержать меня за плечи.

— Это моя вина, — сказал он.

Я замерла. Не “смотри, куда прешь” или раздражённое “ничего страшного”. И даже не снисходительное молчание человека, которого случайно задела растрёпанная медсестра с красными глазами.

“Это моя вина”. Редкая нынче порода галантности. Почти музейный экспонат. Я подняла взгляд. Сначала увидела открытую ключицу в вороте рубашки. Потом подбородок. Потом лицо.

И только после этого поняла, что смотрю вверх. А я, между прочим, обладательница ста семидесяти шести сантиметров роста и к подобным унижениям судьбы не привыкла.

Мужчина был высоким. Харизматичным. Из тех, кого замечаешь даже сквозь душевный вакуум, потому что организм, зараза, иногда продолжает жить отдельно от твоей трагедии.

Я вымученно улыбнулась.

— Ещё раз простите. И спасибо.

Он всё ещё держал руки рядом с моими плечами, будто хотел убедиться, что я точно не рухну. Странная забота, непривычная и очень несвоевременная.

— Вам плохо? — спросил он.

— Мне? Нет, что вы. Я просто выгляжу как человек, у которого жизнь решила устроить выездное совещание прямо по лицу.

На его губах мелькнула улыбка, почти тёплая. Вот только мне сейчас было не до красивых мужчин с хорошими манерами. Меня ждал главврач реанимации.

А интуиция, эта нервная тварь, уже скреблась под рёбрами и шептала: разговор будет не из приятных.

— До свидания, — сказала я, отступая. — Простите, мне надо спешить.

И ушла, так и не спросив его имени.

***

— Я не буду этого делать.

Голос сорвался, но я даже не попыталась взять себя в руки. Напротив, за массивным столом, сидел Андрей Иванович — главврач отделения реанимации.

— Мария Антоновна, постарайтесь успокоиться и присядьте.

Он налил воду в гранёный стакан и поставил передо мной. Я обхватила его трясущимися руками, сделала глоток и чуть не поперхнулась.

— Именно из-за ваших близких отношений с пострадавшей, — продолжил он, — Я предложил побеседовать с её родными лично вам. Вы сами знаете о сокращении программы. А у семьи Веры Кирилловны вряд ли надолго хватит средств, чтобы продолжить лечение самостоятельно.

— Это несправедливо.

Слова вышли жалкими, детскими и от этого ещё более злыми.

— Это жизнь, — жёстче сказал Андрей Иванович.

Я подняла на него глаза.

— Нет. Это бухгалтерия.

Он помолчал.

— Коллегия распределила оставшиеся средства. Ваша подруга в этот список не попала. Вы сами понимаете, насколько низкий процент вероятности улучшения у пациента, пролежавшего свыше года в коме.

— Год будет только через два дня, — упрямо возразила я.

— Мария Антоновна…

— Два дня, — повторила я. — Не год.

Он тяжело вздохнул.

— В вас сейчас говорит не медицинский работник, а близкий человек.

— А во мне, значит, должно говорить что? Таблица расходов?

— В вас должен говорить человек, дававший клятву Гиппократа.

Я медленно поставила стакан на стол.

— Ценой жизни моей подруги?

Андрей Иванович смотрел на меня устало. Даже не зло, а — терпеливо. Так смотрят на ребёнка, который никак не хочет понять, что любимую игрушку уже выбросили.

— Сами рассудите. Это решение поможет многим людям. И, в первую очередь, близким вашей подруги. Помимо этого, освободит средства для пациентов с более высокими шансами на полноценную жизнь. Мы сможем закупить лекарства для малообеспеченных семей, для ветеранов…

Я смотрела на него и думала, неужели он правда считает меня настолько дурой. Будто я не знаю, куда девается часть пожертвований. Словно не слышу шёпота в коридорах и не понимаю, какие у него связи и кто из этого фонда кормится.

— Я не буду разговаривать с её родными, — сказала я и встала. — Не буду уговаривать их отключить Веру.

Маска сочувствия слетела с него не сразу. Медленно и аккуратно. Как перчатка после процедуры.

— Как знаете, — произнёс он уже совсем другим тоном. — Тогда беседу с ними проведу лично.

Я сжала губы. Хотелось орать или вылить ему на голову графин с водой. Хотелось схватить за ворот халата и спросить, когда именно он решил, что чужая жизнь — это удобная строка в отчёте.

Но я ничего не сделала. Потому что понимала: если родные Веры дадут согласие, я не смогу её спасти.

А они дадут. Вероятность — сто процентов.

Семейных ценностей у них не наблюдалось даже в зачаточном состоянии. Отец — тиран. Брат — человек, которого я мысленно называла исключительно нецензурно. Невестка — суточная стерва без перерывов и выходных. Единственной, с кем Вера ещё поддерживала отношения, была мать. Но у той характер был мягче Вериного, а это уже почти диагноз.

Рохля. Я тихо вышла из кабинета. Даже дверью не хлопнула. До сих пор не знаю, каким чудом.

Эту ночь я рыдала от безысходности и ненавидела всех по очереди. Политика. Главврача. Вериных родственников. Себя.

А под утро, когда глаза уже жгло, как после смены в аду, я наконец провалилась в короткий, тяжёлый сон. И даже не подозревала, что хуже уже началось.

Глава 4. Белая комната.

Я сидела на полу, прислонившись спиной к гладкой стене, и неверяще смотрела в белый потолок. Белый потолок, стены и белая дверь, почти слившаяся со стеной. Стерильная каморка два на два, в которой не было видно ни лампы, ни окон, ни хоть чего-то, за что мог бы зацепиться взгляд.

Только белизна.

И я.

— Это не может происходить со мной, — прошептала я. — Бред. Просто бред.

А потом рассмеялась. Истерично, рвано и сдавленно. Смех перемешался со всхлипами, а всхлипы — с такой болью, что, казалось, она не помещалась в груди и рвала меня изнутри.

— Ненавижу, — зашипела я в сторону двери. — Слышишь? Ненавижу!

Челюсть свело от бессилия. Слова вылетали сквозь зубы, влажные, злые, почти нечеловеческие.

Если раньше я думала, что ненавижу нашего депутата, то сильно ошибалась.

По сравнению с тем, что сейчас плескалось во мне, прежняя ненависть была детским лепетом. Неприятной эмоцией. Раздражением на фоне настоящей чёрной бездны.

Сейчас я хотела рвать.Я хотела вцепиться зубами в глотку тому, кто находился по ту сторону двери. Тому, кто не лично, но своими решениями, своей властью, своей грязной игрой вырезал из моей жизни ещё одного близкого человека.

Веру. Мне ведь удалось. Удалось выцарапать ей ещё полгода.

Даже вспоминать противно, чего мне это стоило.

— А-а-а…

Звук вырвался из меня сам. Я вцепилась ногтями в собственные предплечья и провела вниз. По веснушчатой коже тут же проступили кровавые борозды.

Боль была честной.

В отличие от всего остального. Я ползала на коленях. Усмиряла гордость. Отдавала себя во власть извращенцу, который возомнил себя едва ли не государем нашего города.

И всё это — ради Веры. Только теперь Веры не было. Всё оказалось даром.

Те сутки, когда меня пытались унизить, не сломали меня так, как сломала одна короткая новость: я не успела.

Меня обмазали грязью, а человека, ради которого я позволила это сделать, уже не было в живых. Вот и вся цена моей силы. Я сильная. Я справлюсь. Господи, как же противно было это понимать.

Боль постепенно выгорала, оставляя после себя чёрную апатию. Бессилие сменялось чем-то другим. Более тихим. Более страшным.

Это временно. Я свернулась на полу в позу эмбриона и провалилась в тревожный, рваный сон. Уже не замечая, как открылась дверь.

И как в белую комнату вошёл тот, кто ещё недавно казался человеком.

За пару дней до этого

Утром я проснулась с таким настроением, будто мир снова решил подраться, а я, дурочка, всё ещё собиралась выйти против него с голыми руками.

Впрочем, не совсем с голыми.

У меня был план.

До приезда Вериных родных оставалось несколько дней. Потом начнутся бумаги, согласия, отказы от ответственности, нотариальные формальности и прочая юридическая мерзость, которой удобно прикрывать смерть.

Если я успею договориться с нашим депутатом о продолжении финансирования, у главврача не останется причин давить на семью Веры.

Теоретически.

Практически — я уже давно поняла: когда у людей есть власть, они всегда находят причину сделать гадость. Но попытаться всё равно стоило.

В больницу я приехала на мопеде, оставила его на стоянке и почти сразу у стойки ресепшена столкнулась с тем самым мужчиной. С тем, который вчера придержал меня в коридоре и вместо обычного “смотрите, куда прёте” сказал: “Это моя вина”.

Он что, ночует здесь?

Мужчина заметил меня и слегка поклонился. Я машинально улыбнулась, вежливо, рабоче. Тем самым выражением лица, которое у медсестёр включается автоматически даже после ночи без сна и желания закопать половину человечества под клумбой.

Он немного замялся, но всё же двинулся ко мне.

Наверное, кто-то из близких лежит в нашем отделении.

— Простите.

— Да, я вас слушаю.

— Я ещё раз хотел попросить прощения. Вчера я не представился. Моё имя… Сет.

Мне показалось, или он действительно запнулся перед именем?

Странное имя.

Хотя, с другой стороны, кто я такая, чтобы придираться? У меня подруга кота Степанидом назвала, и все живы. Ну… были живы. Не туда мысль свернула.

— Очень приятно, — сказала я, хотя приятно мне сейчас было примерно ничего.

— Я хотел бы узнать, когда начинается рабочий график у вашего начальства.

При упоминании дражайшего Андрея Ивановича улыбка начала сползать с моего лица. Я усилием воли вернула на место свой “солнечный оскал” — специальную медицинскую разновидность выражения лица “я вас не ненавижу, мне просто некогда”.

— Андрей Иванович принимает с девяти. Можете подождать в зале ожидания.

Я указала рукой направление.

— Теперь прошу меня извинить, я тороплюсь.

— Конечно.

Он отошёл.

А у меня где-то внутри шевельнулась интуиция. Тихо так. Усиками. Не тревога даже. Скорее лёгкое: “Маш, а это ещё что за красивый высокий подозрительный объект?”

Я тут же отмахнулась.

Мир не настолько маленький, чтобы подозревать каждого встречного. Хотя после последнего года я уже не была в этом уверена.

День выдался суетливым.

Половину смены я отработала на автомате: уколы, назначения, пациенты, родственники, бумажки, бесконечное “а можно вас на минутку?”, которое в больнице всегда означает минимум двадцать минут и один нервный тик.

Зато главное удалось. Я дозвонилась до секретаря нашего мэра.

Та меня помнила.

Что неудивительно. С людьми вроде меня обычно два варианта: либо их забываешь немедленно ради собственной психики, либо запоминаешь навсегда и при их появлении начинаешь искать пути эвакуации.

Секретарь выбрала второе.

После короткой, но содержательной беседы встречу мне всё-таки назначили. Не из доброты, конечно. Просто она уже знала: если я вцепилась, то буду добиваться своего не мытьём, так катаньем, а если не поможет — занесу каток лично.

План был простой. Сначала — депутат. Если встреча окажется плодотворной, я вернусь к Андрею Ивановичу и аккуратно напомню, что знаю о его не самой девственной финансовой подноготной.

Нет, я не была святой. И не собиралась изображать.

Когда жизнь ставит тебя на край, очень быстро выясняется, что мораль — вещь красивая, но плохо заменяет деньги, связи и право подписи.

О его тёмных финансовых операциях я знала не из воздуха. Полтора года отношений с младшим бухгалтером не прошли даром. Мужчина был так себе, зато болтливый. Особенно после третьей рюмки и обиды на начальство.

Семейный очаг мы с ним не построили. Зато я получила много интересной информации о чужих особняках, фондах, откатах и благотворительности, которая почему-то всегда кормила не тех, кого должна была.

Иногда даже мои провальные отношения приносили пользу.Надо же, романтика.

После ежевечерней встречи с Верой я добилась незапланированного выходного. Удивительно, но выдали его почти без боя. Я даже насторожилась.

Когда что-то даётся слишком легко, обычно либо тебя жалеют, либо уже списали, либо впереди ждёт такая гадость, что судьба решила не мелочиться на препятствия.

Глава 5. Такси до ада.

Утром погода полностью соответствовала моему настроению.

Всю вторую половину вчерашнего дня я приводила себя в чувство. Или хотя бы в его подобие.

Интуиция вопила с самого утра.

Началось ещё вчера, когда я созвонилась со Светой. Та, шутя, сказала, что я могу особо не спешить и выйти на вечернюю смену, а она “немного задержится”.

Вот тут бы мне сразу насторожиться. Света и лишние часы на работе — вещи примерно такие же совместимые, как морг и детский утренник. При её алчной натуре любой альтруистический жест должен был сопровождаться сиреной, красной лампочкой и табличкой: “Маша, тебя сейчас обуют”.

Но я решила, что просто устала.

Дура.

Даже имея лишние пару часов, я не поддалась искушению остаться в постели. Собралась и поехала в больницу. Опоздала всего на каких-то два часа.

Оказалось — этого хватило. Я поняла, что всё плохо, ещё у проходной.

Даже мопед не успела нормально припарковать. Заглушила его у бордюра и замерла, потому что краем глаза увидела выезжающую машину.

Машину родителей Веры. На заднем сиденье рыдала её мать. Рядом сидела невестка и лживо-сочувственно гладила её по плечу с таким выражением лица, будто уже мысленно делила чужие вещи и освобождённые обязательства.

У меня внутри что-то оборвалось.

Нет. Только не это. Я бросила мопед и побежала к отделению.

Сердце билось так сильно, что я почти не слышала собственных шагов. Где-то в голове ещё теплилась жалкая, крошечная искра надежды. Ну мало ли. Может, они просто приезжали. Может, документы. Может, разговор. Может, я ещё успела.

По пути я едва не врезалась в кого-то плечом. Человек оказался расторопнее меня и плавно отступил в сторону. На секунду мелькнула мысль: я его уже видела.

Плевать. Только бы успеть. Я не успела. Каталка поворачивала в сторону морга.

Белая простыня. Тихие шаги санитаров. И эта страшная, будничная аккуратность, с которой в больницах увозят тех, кому уже не нужны ни капельницы, ни надежда, ни чьи-то истерики в коридоре.

Я стояла и смотрела на каталку, не в силах вдохнуть. Потом перевела взгляд на ресепшен. Все виновато отводили глаза. Вот тогда последняя надежда умерла.

Где-то вдалеке глухо закрылась дверь кабинета Андрея Ивановича. На секунду мне даже показалось, что он хмыкнул. Покровительственно и снисходительно.

Может, показалось.

Второй вдох.

Мысли начали складываться в картину.

Начальничек всё провернул красиво. Быстро. Законно. Уверена, на его столе уже лежали нотариально заверенные документы, снимающие с клиники любую ответственность.

Родные согласие дали. Коллеги промолчали. Светке, скорее всего, ещё и премия в конверте перепала — за доброту, самоотверженность и умение “немного задержаться”, пока Машу Антоновну аккуратно держат подальше от отделения.

Я хотела закричать. Но не смогла.

Снова посмотрела на каталку. Белая простыня уже почти скрылась за поворотом. Я даже не подошла. Не смогла.

За стеклянной дверью мелькнула жёлтая крыша такси. И рядом — исчезающая макушка недавнего знакомого.

Того самого мужчины, которого я едва не сбила плечом минуту назад. Мозаика внутри дрогнула и вдруг сложилась в странный, тревожный пазл. Интуиция, эта нервная тварь, заорала:

“ТЫ МЕНЯ НАКОНЕЦ УСЛЫШАЛА?”

Вчерашняя встреча. Его странное имя. Вопрос про главврача. Сегодняшнее появление. Такси. Исчезновение ровно в тот момент, когда Веру увозят в морг.

Я не знала, что именно он сделал. Не знала, виноват ли он. Не знала даже, что собираюсь сказать, если догоню. Но во мне уже не осталось места для логики.

Только пустота и движение. Дверь такси захлопнулась. Мотор заурчал. И я рванула следом. Такси успело выехать за шлагбаум. Я развернулась к мопеду, с трудом завела старенький мотор и понеслась следом.

В голове не было ни одной нормальной мысли. Только одна: не упустить.

Город остался позади. Я даже не сразу поняла, что мы выехали за его пределы. Не подумала о бензине. Не подумала, что мопед может заглохнуть посреди чистого поля. Не подумала, что преследую почти незнакомого мужчину неизвестно куда.

Мой мозг словно перезагрузился. Внутри была не паника, а оглушающая, мёртвая тишина.

Такси остановилось у лесополосы. Водитель высадил пассажира развернулся и поехал обратно. Поравнявшись со мной, он посмотрел так, как смотрят на городских сумасшедших, которые в дождь несутся за такси на старом мопеде.

В другой ситуации я бы обиделась. Сейчас было некогда. Сэт стремительно уходил в сторону посадок.

Я поехала за ним. Ирония судьбы заключалась в том, что бензин закончился ровно тогда, когда я выехала на поляну. Мопед дёрнулся, кашлянул и сдох.

— Да ты издеваешься, — выдохнула я.

Но Сэт был пешком. А значит — ещё не всё потеряно. Я спрыгнула почти на ходу, бросила мопед и пошла за ним. Потом побежала.

Лес стоял влажный, тёмный, слишком тихий. Даже дождь будто притих, наблюдая, какой именно глупостью я сейчас займусь.

Окликнуть его? А что я скажу?

“Здравствуйте, вы случайно не имеете отношения к смерти моей подруги?”

“Простите, вы просто высокий и подозрительный или всё-таки потусторонний?”

“Сэт, милый, объясните, почему моя жизнь катится в ад, а вы всё время где-то рядом?”

Из всех вариантов мой мозг выбрал самый простой.

— Сэт!

Он остановился. И в тот же миг воздух перед ним дрогнул. Не метафорически. По-настоящему. Словно сама реальность на секунду стала тонкой, как плёнка, а потом лопнула.

Перед Сэтом из пустоты материализовалось существо. Нет. Не человек.

Демон.

Именно такой, какими их рисуют в старых книгах и на дешёвых обложках: высокий, невозможный, чужой. Слишком резкий для человеческого зрения. Слишком настоящий для галлюцинации.

Я даже испугаться нормально не успела. Он вскинул в мою сторону руку. И мир погас. Последняя мысль мелькнула неожиданно спокойно: “Видимо, в аду меня заждались”.

Доусэт ки Тиар

— Ты с ума выжил? — зарычал Сэт, опускаясь рядом с бесчувственной землянкой. — Это самка!

— Она двигалась в нашу сторону, — сухо ответил Драст. — Быстро. На шумовом двухколёсном механизме. У меня не было времени уточнять её намерения.

— И ты решил вырубить её?!

— Оглушить. Не убить.

— Утешил. Низарова бездна!

Сэт осторожно коснулся пальцами шеи землянки, проверяя пульс. Жива. Дышит ровно. На коже — след от импульса, но поверхностный. Драст, конечно, бил точно. Капитан редко ошибался. Только от этого злость почему-то не стала меньше.

Когис подошёл ближе, окинул самку внимательным взглядом и протянул:

— Кажется, теперь у нас не только сердце, но и свидетель.

— Она видела шаттл? — резко спросил Драст.

— Видела меня, — мрачно ответил Сэт. — И тебя, когда ты появился из маскировочного поля. А ещё, скорее всего, запомнила достаточно, чтобы устроить местным воинам весёлую охоту.

Шибарийцы переглянулись.

— Можно стереть кратковременную память, — осторожно предложил один из медиков.

Сэт поднял на него взгляд.

Медик осёкся.

— Нельзя, — отрезал Драст.

— Впервые за день ты сказал что-то разумное, — процедил Сэт.

— Мы не знаем, как их мозг отреагирует на вмешательство. Сия после принудительного воздействия едва не сорвалась окончательно. Второй раз я наугад рисковать человеческой самкой не позволю.

На несколько мгновений стало тихо.

Имя астниеры капитана повисло между ними тяжёлым напоминанием: земные женщины ломались не так, как их самки. И реагировали не так. И выживали тоже иначе — через злость, истерики, упрямство и совершенно непредсказуемую тягу бросаться на того, кто сильнее.

Сэт скривился.

— Значит, бросить её здесь мы тоже не можем.

— Не можем, — согласился Когис. — Если она очнётся, поднимет тревогу. Если не очнётся вовремя — её найдут местные. Если не найдут местные...

Он посмотрел на тёмную лесополосу.

Сэт раздражённо дёрнул плечом.

— Не начинай. Тут у них дикое зверьё размером с ладонь, и то, скорее всего, болеет от их воздуха.

— Ты уверен? — с интересом спросил Когис.

— Нет. И именно поэтому она не останется на земле.

Драст перевёл взгляд на него.

— Ты предлагаешь взять её с собой?

— Я не предлагаю. Я забираю.

— Сэт.

— Это я вывел её сюда, — жёстко сказал он. — Она шла за мной. Я не заметил слежки. Я допустил, чтобы она оказалась у шаттла. Значит, это моя ответственность.

— Формально оглушил её я, — заметил Драст.

— А формально сердце твоей астниеры уже на борту. Не пытайся отобрать у меня вину, капитан. У тебя своей хватает.

Когис тихо присвистнул.

Драст промолчал. Только взгляд стал тяжелее.

Сэт осторожно подхватил землянку на руки. Она оказалась легче, чем выглядела. Тёплая. Живая. Слишком хрупкая для существа, которое только что гналось за ним через половину поля на допотопном механизме с упрямством раненого воина.

— Разместим в свободной кающе, — сказал Драст.

— Нет.

— Нет? — Когис тут же оживился.

— В моей, — отрезал Сэт. — Пока не поймём, как она отреагирует после пробуждения.

— Благородно, — протянул Когис. — Или предусмотрительно?

— Хочешь проверить, как быстро я могу уронить землянку и сломать тебе нос?

— Не хочу. Но отмечу: ты уже начал рычать на всех вокруг из-за самки, которую знаешь меньше суток.

— Она пленница и свидетель.

— Несомненно.

— Ответственность.

— Вот это особенно трогательно.

— Когис, — спокойно произнёс Драст.

Старпом тут же поднял руки.

— Молчу.

Из-за плеча медик осторожно напомнил:

— После пробуждения возможны паника, агрессия и дезориентация. У Сии первая реакция была крайне нестабильной. Мы подготовили мягкое седативное на случай угрозы для неё самой.

— Для неё самой, — повторил Сэт, глядя на медика так, что тот поспешно кивнул.

— Только для стабилизации. Минимальная доза. Без вреда.

— Шприц мне, — сказал Сэт.

— Сэт, — Драст прищурился. — Не переусердствуй.

— Я не ты. Сначала попробую поговорить.

— С человеческими самками это не всегда помогает, — сухо заметил Когис.

Сэт посмотрел на бесчувственную землянку.

На её мокрые от дождя волосы. На напряжённое даже во сне лицо. На следы слёз.

— Значит, буду учиться.

И понёс её к трапу.

Уже внутри шаттла, когда люк закрылся, а Земля осталась за маскировочным полем, Когис всё-таки не удержался:

— Поздравляю. На вылет брали сердце, возвращаемся с сердцем и самкой. Очень продуктивная экспедиция.

— Ещё одно слово, — не оборачиваясь, сказал Сэт, — и обратно полетишь в контейнере для органики.

— Молчу, — снова сказал Когис.

Но, судя по довольному тону, молчать он долго не собирался.

Глава 6. У вас когда овуляция?

Первое пробуждение я смутно помнила. Второе пробуждение оказалось другим.

Говорят, сон — лучшее лекарство. Не знаю, кто это придумал, но, видимо, этот человек никогда не просыпался после смерти подруги, похищения и встречи с демоном посреди лесополосы.

Горе никуда не делось. Оно лежало внутри тяжёлым комом, укрытым тонкой сизой пеленой. Стоило тронуть — и всё снова хлынуло бы наружу. Поэтому я не трогала.

Гнев и желание мести стояли перед глазами куда надёжнее любой стены. Первый запал немного стих, но исчезать не собирался. Ничего. Месть — блюдо холодное. Поставим в холодильник до подходящего момента.

А пока — анализируем. Или хотя бы делаем вид.

Я лежала в странной белой каморке, укутанная во что-то мягкое, тёплое и совершенно не похожее на привычное покрывало. Даже “покрывалом” это назвать язык не поворачивался — слишком грубо для такой ткани. Она будто не лежала на коже, а уговаривала её не паниковать.

Тело, к слову, не соглашалось. Я медленно села и огляделась. Вариантов было немного. Первый: меня похитили. Второй: я умерла и попала в очень скучную версию загробного мира. Третий: у меня случился нервный срыв, и сейчас я в доме для умалишённых после того, как, вероятно, наворотила дел.

Я провела ладонью по стене за спиной. Не мягкая. Жаль. Версия с психушкой пока не отпадала окончательно, но становилась менее убедительной. Может, меня просто накачали успокоительными?

Я прислушалась к себе. Нет. Если бы дело было только в препаратах, всё внутри не сжалось бы так резко, когда часть стены вдруг бесшумно отъехала в сторону, открывая белый коридор.

Я замерла. Время потянулось густо и медленно, словно сироп, стекающий с ложки. А потом в проёме появился он. И вся моя хвалёная выдержка с треском пошла трещинами.

— Твою мать! — выдохнула я и отшатнулась.

Затылок больно встретился со стеной. Прекрасно. Если так пойдёт дальше, меня добьёт не похититель, а собственная манера шарахаться от реальности.

Сначала в голове ещё мелькнула жалкая надежда, что это розыгрыш. Злой, извращённый, но всё-таки розыгрыш. Потом вспыхнуло воспоминание: лес, Сет, воздух, дрогнувший перед ним, и демон, возникший словно из ниоткуда.

Надежда сбежала. Передо мной стоял не человек. По крайней мере, не полностью.

Человеческие черты у него были. Лицо, плечи, руки, осанка. Но всё остальное говорило: “Маша, поздравляю, ты снова вляпалась туда, где нормальные люди даже экскурсии не проводят”.

Только глаза — ярко-жёлтые, с живыми зрачками, которые то расширялись, почти поглощая радужку, то сжимались в тонкую вертикальную щель. Волосы — красные, густые, больше похожие на львиную гриву, чем на человеческую причёску.

Он двигался медленно, плавно и уверенно. Как хищник, который не торопится, потому что добыча всё равно в клетке. Я подняла руку ладонью вперёд.

— Ты к-кто?

Голос дрогнул. Проклятье. Хищникам страх показывать нельзя. А этот тип именно хищником и был. Неважно, как он себя называл: демон, оборотень, инопланетный павлин с проблемами социализации. В нём было что-то звериное, и моё тело понимало это быстрее мозга.

Если он подойдёт ещё хоть на шаг, я либо заору, либо отключусь, либо совершу самый унизительный конфуз в своей взрослой жизни.

На моё огромное облегчение, он остановился. Наклонил голову чуть вбок. Почти по-птичьи. Принюхался.

Я окончательно пожалела, что не осталась в версии с психушкой.

— Вы боитесь, Маррия? — спросил он.

И сказал это по-русски. Вот прямо по-русски. Не рычал, не щёлкал клыками, не издавал потусторонних звуков. Говорил вежливо, спокойно и даже немного удивлённо. Будто я, неблагодарная, не оценила радости проснуться в белой коробке напротив существа из кошмаров.

Где-то на задворках сознания саркастическая часть меня подняла голову и пробормотала: “Нет. Я в восторге. Просто всегда мечтала познакомиться с красногривым нелюдем в стерильной кладовке”.

К счастью, инстинкт самосохранения успел зажать этой части рот. Я промолчала.

Существо — мужчина? нелюдь? будущая статья в моей личной энциклопедии “Какого чёрта?” — задумчиво посмотрело на меня.

И задал вопрос.

— У вас когда овуляция?

Страх споткнулся. Паника тоже. Даже горе на секунду подняло голову и сказало: “Простите, что?” Я моргнула. Потом ещё раз.

Вежливый тон никак не сочетался с беспардонностью вопроса. Это было всё равно что подать заявление о конце света на гербовой бумаге, с печатью и подписью заведующего канцелярией.

— Что? — переспросила я.

Потому что иногда мозг требует дать реальности второй шанс. Он не смутился. Вообще. Стоял напротив с серьёзным лицом, будто спросил не о моём репродуктивном цикле, а уточнил группу крови перед плановой процедурой.

А я пыталась сообразить, при чём тут моя овуляция.

Даже если предположить, что я скончалась на той поляне, убиенная демоном, и мой хладный трупик сейчас валяется где-то среди редких посадок, всё равно вопрос оставался странным.

Моё астральное тело, душа или что там у меня осталось после встречи с нечистью, не должны были интересовать кого-либо с точки зрения вегетативных процессов.

Значит, я жива. Цвету и пахну. Сомнительное достижение, конечно, учитывая обстоятельства. Мысль о смерти потянула за собой воспоминание о Вере. Глаза защипало.

Нелюдь сделал едва заметное движение в мою сторону. Я дёрнулась так резко, что снова ударилась затылком о стену.

— Да чтоб тебя…

Сотрясение мозга в этой истории начинало казаться самым логичным развитием событий. Он замер. Я тоже.

Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга. Он — с каменным выражением лица. Я — с нарастающим подозрением.

Потому что вот эта его неподвижность, ожидание и странная осторожность вдруг заставили мою интуицию пошевелить усиками.

Он не нападал. Просто стоял и ждал ответа на вопрос, который нормальные люди задают либо гинекологу, либо врагу, если хотят, чтобы тот умер от неловкости.

— Не скоро, — наконец сказала я.

Нужно было хоть как-то разорвать эту оглушающую тишину. Он едва заметно кивнул. А у меня внутри тут же включился циник.

Овуляция. Зачатие. Соитие. Вот спасибо.

В мои ближайшие планы это не входило. Особенно с учётом обстоятельств, межрасовых различий и того факта, что предполагаемый партнёр выглядел как результат связи человека, хищной птицы и пожара в парикмахерской.

— А зачем это вам? — спросила я.

Где-то внутри ещё теплилась живая оптимистка. Она робко надеялась, что объяснение будет не таким мерзким, как варианты, которые уже нарисовал мой всегда бодрый внутренний циник.

Нелюдь ответил спокойно:

— Чтобы точнее определить ваше психологическое состояние и по возможности комфортнее расположить вас в данных обстоятельствах.

Я уставилась на него.

Много объясняющий ответ. В смысле — много объясняющий, наверное, для него. Для меня он объяснил только одно: разговаривать с этим существом будет сложно.

Очень. Но голос… Что-то в нём было знакомое. Я слышала этот голос. На слух я никогда не жаловалась. Я прищурилась, вглядываясь в его странное лицо.

— Сэт?

Он, кажется, остался доволен.

— Вы узнали меня. Теперь бояться уже не будете?

Наивный.

— Су… сын, — ядовито прошипела я.

Договорить полностью помешали остатки разума. А жаль. Понимание ударило почти физически. Он стоял прямо передо мной. И выглядел теперь совсем не как галантный мужчина из коридора.

Желание броситься на него с кулаками было почти непреодолимым. Но меня удерживали два обстоятельства. Первое: он был явно не человеком. Второе: я хотела жить достаточно долго, чтобы понять, где у него слабое место.

Для чего-то же он меня сюда притащил. Если понадобится — я вытерплю. Прикинусь спокойной. Посмотрю. Запомню. Найду его ахиллесову пяту.

У всех она есть. Даже у красногривых нелюдей с вопросами про овуляцию.

Он нахмурился. Красивее от этого он не стал. Хотя, будем честны, “красота” сейчас волновала меня примерно как курс валют у утопающего.

— Я правильно разобрал запах? Теперь вы злитесь.

Он сжал руки в кулаки.

— Это из-за того, что я оторвал вас от дома?

Как же мне хотелось высказать ему всё. Что я думаю. Что желаю. Куда ему идти. И что именно делать по пути.

Но я сцепила зубы. Пусть лучше думает, что я злюсь из-за дома. Это, по крайней мере, безопаснее, чем признаться, что мысленно уже выбираю, чем буду вскрывать ему грудную клетку.

— Оторвали от дома? — переспросила я. — И где мы сейчас находимся?

— На космическом судне.

Он сказал это так спокойно, будто сообщил номер палаты. Я вздрогнула. И всё.

Наверное, где-то в подкорке я уже предполагала нечто подобное. Белая камера, странный коридор, отсутствие окон, существо, которое задаёт медицинские вопросы с вежливостью регистратора.

Психушка была бы проще. Космическое судно — оригинальнее.

— Понятно, — сказала я.

Он внимательно смотрел на меня. Видимо, ждал истерики. Зря. Истерика у меня уже была. Две. Возможно, три.

Сейчас у нас шёл режим энергосбережения.

— У меня не было другого выхода, — произнёс он с уверенностью человека, который давно сам себе всё объяснил и остался доволен. — Я не мог оставить бесчувственную самочку посреди леса на съедение дикому зверью.

Я молча посмотрела на него. Дикому зверью. В наших редких посадках, которые и лесом-то назвать можно только из большой жалости.

У нас там самый страшный зверь — клещ и пенсионер с пакетом грибов. И вот тут моя психика не выдержала. Я начала смеяться.

Сначала тихо. Потом громче. Потом почти до слёз. Смешно было не от его неосведомлённости. И не от “дикого зверья”. Смешно было от абсурда.

Я неизвестно где. На космическом судне. Меня похитил нелюдь, которого я ненавижу всем существом. И сделал он это, по его словам, из-за гипертрофированного чувства ответственности.

Чтобы меня, видите ли, не съели звери. Более идиотской ситуации придумать было невозможно.

— Простите, — прохихикала я, утирая слёзы. — Просто… дикое зверьё… в наших посадках…

Смех вдруг сломался на полуслове. И перешёл в рыдания. Настоящие. Громкие. Горькие. Сет, кажется, наконец дождался той реакции, которую ожидал с самого начала. Он сделал движение рукой. Я даже не успела отшатнуться. Шприц словно возник у него из воздуха. Укол пришёлся в основание шеи.

— Ах ты… — успела прошептать я.

Тело быстро налилось тяжестью. Сильной. Неестественной. Мягкой и беспощадной. Мир поплыл. Белые стены смазались. Злость на секунду вспыхнула ярче, но тут же начала тонуть в сонной пустоте.

Последняя мысль была вялая, но всё ещё моя: “Вот же гад… подготовился”. А потом меня снова забрала темнота.

Глава 7. Мышь-приживалка и сиреневые тефтели

Пробуждение было... Хотела бы сказать: на удивление радостным. Или: я проснулась с тяжестью глубоко в душе. Или ещё как там обычно в книгах пишут, когда хотят приукрасить действительность?

Но я ни разу не поэт и не автор какого-то шедевра. Так что буду честной: проснулась я паршиво.

Сознание будто продиралось сквозь вязкий туман. Я лениво повернула голову вправо. И увидела его.

Сэт сидел на полу, прислонившись спиной к стене. Длинные ноги вытянул перед собой так, что ступни почти упирались в мой лежак. Судя по тому, как он встрепенулся и настороженно уставился на меня, моего пробуждения он ждал давно.

Чудесно.

Просыпаешься после непонятной инъекции, а напротив тебя — красногривый нелюдь, который смотрит так, будто ты не женщина, а сложная лабораторная работа с непредсказуемым результатом.

Честно?

Хотелось отвернуться к стене, свернуться калачиком и продолжить погружаться в меланхолию, жалость к себе и прочие эмоциональные болота.

Но депрессия — прерогатива богатых и обеспеченных людей. Я такой роскоши позволить себе не могла.

Если судить по поступившей информации, этот... этот... да ну его... сам ещё не знал, что со мной делать.

А значит, пока у меня был шанс думать быстрее него.

И желательно без истерического «хи-хи». Потому что если я снова начну смеяться, он опять усыпит меня своей чудо-инъекцией, а это в мои планы никак не входило.

Я медленно села, придерживая на себе белоснежное нечто, которым меня укутали.

— И что дальше? — слова прозвучали хрипло.

Сэт напрягся. Не сильно и почти незаметно, но я уловила. Он явно был готов в любой момент снова прибегнуть к своему любимому методу решения эмоциональных проблем: шприц в шею — и все счастливы. Кроме меня, естественно.

По его непонимающему взгляду я поняла: вопрос надо уточнять.

— Что вы решили в отношении меня и моей судьбы?

Сэт моргнул.

— Я над этим ещё не думал.

Вот тут мои пальцы сами сжались в кулаки под белым покрывалом. Хорошо, что их не было видно.

Прекрасно. Меня похитили, утащили на космическое судно, задали вопрос про овуляцию, усыпили, а теперь выясняется, что плана у похитителя нет. То ли я слишком умная. То ли он недалёкий.

В любом случае у него должно быть начальство. Кто-то же управляет этим кораблём, крейсером или чем там ещё межзвёздного масштаба мы бороздим просторы чужого космоса.

Идею, что он сам может быть большим начальником, я отмела почти сразу. Люди, облечённые властью, обычно слишком заняты. У них нет времени сидеть у ног невольной пленницы и ждать, когда она очнётся.

Хотя... Я на секунду посмотрела на него сверху вниз почти с жалостью.

Может, он и правда местный австралопитек. Нестандартный образец, который случайно научился бороздить космос, но так и не освоил базовый курс «не похищай женщин без плана».

Ага, конечно. Австралопитек, который посещает другие галактики, пока мы даже собственный спутник толком не освоили.

Не надо обманывать саму себя, Машенька. Актёр из него, может, и аховый, но дураком он от этого не становится.

Нужно быть настороже. Я всё ещё не забыла, что мне надо найти его слабое место.

— Вам уже лучше? — спросил Сэт.

Вот что на это ответить?

«Нет, спасибо. Похищение, смерть подруги и космическая камера пока не оказали оздоровительного эффекта?»

Я промолчала.

Создавалось странное впечатление, будто я долгожданный гость, случайно захворавший в дороге, а он — ретивый хозяин, взволнованный ухудшением моего самочувствия.

Что за игру он вёл?

Очень хотелось поверить в сказку для взрослых девочек. Принять кучу роялей, что вот-вот посыплются мне на голову, улыбнуться на двести двадцать вольт и зажить долго и счастливо, надеясь на хэппи-энд.

Мешала сущая мелочь: я видела его морду и вспоминала Веру.

— И всё же? — надавила я. — Что дальше?

Сэт выпрямился.

— Не переживайте. Вы ни в чём нуждаться не будете и всё время полёта проведёте со мной. За это время мы найдём правильное решение.

Ишь ты. Стоило задать неудобный вопрос, как маска участия чуть сползла.

То есть сейчас я — мышь-приживалка с неопределённым будущим. И всё благодаря этому зажравшемуся касатику. Ответственности — ноль, самоуверенности — море, а последствия мне разгребать.

Я сцепила зубы. Не ругаться. Мы всё-таки леди. Хотя леди, конечно, не пристало лелеять в груди такой комок ненависти и антипатии. Но что поделать, если внутренний сад давно зарос крапивой, а вместо бабочек там летали боевые топоры?

Иногда Сэт уходил. Иногда возвращался с едой. Иногда принюхивался к воздуху, отчего мне хотелось предложить ему освежитель и курс нормальных человеческих манер.

Порой я слышала, как за стеной кто-то проходит. Шаги — тяжёлые, уверенные, не похожие на человеческие. Голоса — глухие, резкие, на языке, в котором не было ни одной знакомой интонации. Ни одного слова, за которое можно было бы зацепиться.

Один раз стена открылась чуть быстрее, чем обычно, и я успела заметить в коридоре чью-то тень. Высокую. И... хвост. Самый настоящий. С тёмной стрелочкой на конце, как у разозлённого черта. Стена тут же закрылась.

А я осталась сидеть и пялиться в белую поверхность, пытаясь убедить себя, что мне показалось. Не показалось. Судя по всему, мой персональный желтоглазый нелюдь был здесь далеко не единственным представителем местного зоопарка.

Но в основном он сидел напротив и смотрел. В оглушающей тишине. Теперь я могла бы нарисовать его портрет с закрытыми глазами. Глубокой ночью. Левой пяткой. На спор.

Страх, кстати, куда-то спрятался. Наверное, от слишком долгого ожидания. Ему на смену пришло бешенство.

На второй день я не выдержала.

— Долго мы так будем молчать? Для чего это?

Сэт ответил спокойно:

— Для того, чтобы мы узнали друг друга.

Я несколько секунд молчала. Не потому, что прониклась глубиной фразы. Просто пыталась понять: это у них юмор такой или диагноз.

Мне нужна была информация. Любая. Хоть крупица, которая приблизит меня к цели. А для информации нужно общение. Только находиться с этим индивидом в одном помещении было невыносимо.

Если бы он сам попытался наладить контакт, я не уверена, что смогла бы говорить, не шипя ядовитой змеёй в ответ. Поэтому его молчаливое «узнавание» имело один плюс. Я успела остыть. И перешла в режим ожидания, заткнув подальше своё нетерпение и нервы.

Единственной отдушиной были его отлучки — то по «делам», то за очередным подносом с пищей. В эти моменты я действительно расслаблялась. Но вопрос про овуляцию не давал покоя. Он щедро кормил мою фантазию и подсовывал всё новые гипотезы о том, зачем я здесь нужна.

О нет. Я не была настолько наивной, чтобы купиться на его доброжелательность. Но расшевелить его всё же придётся. Как бы меня ни выворачивало от этой перспективы.

Да, я была готова воспользоваться его интересом к моему фертильному периоду, чтобы подобраться ближе. Чтобы понять и найти нужный момент, а затем, если понадобится, всадить нож в спину.

Главное — потом придумать, как самой после этого выжить.

Да-да, вот такая я противная и меркантильная особа. Но, девочки, вспомните: в любви и на войне все средства хороши. А мы сейчас на войне. Пусть и партизанской.

Я не успела даже приблизительно наметить план действий, как Сэт вернулся. Точнее, мужчина. Нужно было учиться думать о нём как о мужчине, а не как об инопланетной нечисти. Абстрагироваться. Снизить градус. Иначе я сорвусь раньше, чем пойму, где у него слабое место.

Он повторил уже знакомый ритуал: поставил поднос с едой на край лежака и снова сел напротив, сверля меня взглядом.

Так. Что мы имеем? Сиреневые шарики, по вкусу напоминающие мясо. Розовые стручки сладкой фасоли. Металлический стакан с чем-то вроде сухофруктов. А что делать? Если мы не разговариваем, я переименовываю всё по вкусовым рецепторам. Не густо, но сойдёт.

Я взяла сиреневую «тефтелю» и прокусила её. Сок потёк по подбородку. Специально. Да, мерзко, расчётливо, и я сама себе сейчас не нравилась. Но его взгляд тут же проследил за каплей.

Ага. Мужики и в космосе мужики. Он даже глаз не отвёл, когда я пальцами стёрла остатки с кожи и как бы невзначай провела рукой ниже, к вороту своей кофты.

Едва удержалась, чтобы не передёрнуть плечами. Тяжело будет изображать страсть. Очень тяжело.

В сказках, полных штампов и роялей, героиня обычно делает томный взгляд — и всё само складывается.

В реальности же, детка, тебе приходится сидеть напротив существа, которое может быть причастно к смерти твоей подруги, и думать, как бы сыграть заинтересованность, не выдав желания выцарапать ему глаза.

Деградация моральных устоев набирала ход.

— Возьмите.

Сэт протянул мне белоснежный платок. С опозданием, конечно. Но всё же. Неужели мы заговорили?

— Спасибо, — мягко сказала я.

И специально прикусила губу. Чуть-чуть, чтобы добить. Кадык у него дёрнулся. Хорошо. Внимание привлекла.

— Может, поговорим? — предложила я.

Сэт резко перевёл взгляд с моих губ на глаза. Я даже мысленно выдохнула. Значит, хотя бы пока он не собирался уделять пристальное внимание моему фертильному периоду. Или собирался, но ждал часа икс.

— Да, конечно, — ответил он. — Что вас интересует?

Вот так просто? Подозрительно.

— Вы можете рассказать о себе? И зачем пожаловали на Землю?

Голос не дрогнул, и на том спасибо. Я-то знала зачем. За сердцем моей подруги, ублю...

Улыбаемся, Машунь. Улыбаемся и машем.

— Если это не секрет? — добавила я почти кокетливо.

И даже мило улыбнулась, когда заметила, что он замялся. Сэт сжал тонкие губы. Потом ответил:

— Не секрет. Нам необходимо было новое сердце. Для астниеры моего друга.

Сказал так, будто сообщил, что они прилетели за редким лекарством или запчастью. А у меня внутри всё оборвалось.

Сердце. Новое сердце. Для астниеры его друга. Не знаю, чего мне стоило не сорваться. Но я заставила лицо изобразить сочувствие. Лёгкое неодобрение. Человеческую реакцию женщины, которая никак не относится к близким донора этого самого сердца.

— Понимаю, — сказала я тихо.

Нет, не понимаю. Никогда не пойму. Напрашивался только один вывод: я не единственная «счастливица», попавшая к ним.

А следом пришёл вопрос, от которого холод прошёл по спине: что они сделали с той женщиной, если им понадобилось новое сердце?

И что они собираются сделать со мной? Вся моя красивая уверенность, вся бравада, вся мысль: «Я умная, я храбрая, я всё стерплю» — резко потеряли цвет.

Потому что война войной. А страх тоже никто не отменял.

Глава 8. Продать себя подороже

Мне, безусловно, было жаль неведомую страдалицу, ради которой им понадобилось человеческое сердце. Но себя, Верунчика и Аньку мне было жальче.

Альтруист во мне умер давно. Если честно, он и при жизни особой активностью не отличался.

А когда Сэт сообщил, что познакомит меня с той, ради кого всё затевалось, — чтобы я, значит, не чувствовала себя одиноко, — я заранее возненавидела деву из темницы.

Ничего личного.

Просто у меня лимит на сочувствие закончился.

— А что до моего имени... — Сэт продолжил отвечать на мои вопросы, словно не замечая капли пота, медленно скользящей по моему лицу. — Доусэт ки Тииар, тьера. К сожалению, на вашей родине я не смог представиться как положено.

Сказав это, он поднялся, перетёк из положения сидя в положение стоя.

Плавно, бесшумно, как хищник, который случайно вспомнил о хороших манерах.

Потом галантно поклонился.

Да это был полный сюр.

Три дня молчать, находясь буквально нос к носу, а потом представиться и поклониться так, будто мы встретились на светском приёме.

Я не смогла скрыть скепсис.

— Что-то не так? — нахмурился он.

— Кхм... нет, что вы, — я постаралась подобрать слова без явной язвительности. — Просто для меня это довольно необычно. У нас представление и знакомство обычно происходят перед непосредственным общением, а не после.

Сэт задумался.

— Да, я помню эту деталь. А что не так? Мы ведь только сейчас начали разговаривать. Я в чём-то ошибся?

Он был искренне обеспокоен.

Словно студент на сессии, а я — декан, который сейчас поставит ему неуд за неправильное знакомство с похищенной землянкой.

Я только хлопнула глазами.

Вот он, языковой барьер и различие менталитетов во всей красе. Даже наличие переводчика у него не облегчало общение. Кто же настолько буквально всё воспринимает, не обращая внимания на нюансы?

— Ничего страшного, — беспечно махнула я рукой. — А слово «тьера», как я понимаю, уважительное обращение?

— Да.

Коротко. Я кивнула.

— А к вам как я должна обращаться?

Игра продолжается.

— К мужчинам самки обращаются по имени. Между самцами возможно обращение, исходящее из должности или родового имени.

Самки. Самцы. Вау. Прямо документальный фильм о дикой природе. Почему-то слово «самец» у меня всегда ассоциировалось с мачо.

А ещё его предыдущие вопросы.

— Простите, перебью, — сказала я. — А можно узнать, какой у вас общественный строй? Случайно не патриархат?

— Патриархат?

Ладно. Попроще. То ли переводчик у него плохой, то ли русский язык слишком могуч.

— Все вышестоящие должности занимают му... самцы. В том числе в правительстве.

Сэт чуть заметно оскалился. Не зло. Скорее его явно позабавила моя попытка исправиться.

— Да.

Ну конечно.

Боже, куда я попала?тТут, наверное, ещё и рабство где-нибудь рядышком процветает. Или гаремы. Или ошейники. Или всё сразу, чтобы два раза не вставать.

До меня начало доходить, с какими реалиями придётся столкнуться. Для женщины, прожившей всю сознательную жизнь в современном обществе, патриархальный уклад чужой цивилизации был не просто неприятен.

Он был чужероден. Отталкивающ. И очень опасен. Получается, даже если я каким-то чудом «вольюсь в общество», без покровительства мне не обойтись. А там, глядишь, и ошейник наденут — чисто для облегчения адаптации.

Ладно. Будем считать, что я попала не к космическим дикарям, а к БДСМщикам с собственным видением жизни.

Где только наши не пропадали. Осталось продать себя подороже.

— А что женщины? — спросила я.

— А что с ними? — Сэт будто искренне не понял вопроса. — Самки вполне довольны своим положением. Зачем им утруждать свои милые головки?

Вот тут он протянул руку и коснулся моих волос. С какого перепугу ему вздумалось перебирать мои нечёсаные локоны? Ещё и воздух начал пробовать интенсивнее.

Интересно, что он там в моём амбре распознать желает? Я все эти дни даже помыться нормально не могла, потому что опасалась, что он вернётся в самый неподходящий момент.

Сэт присел на край моей мини-кровати и с щепетильным интересом рассматривал структуру моих волос. Они явно сильно отличались от его гривы даже в таком запущенном виде. Зато мне представилась возможность рассмотреть его ближе. Сейчас его глаза были жёлтыми.

А в первый раз, на Земле, они отливали голубизной.

— Вы линзы надевали, когда были на Земле? — спросила я.

Да, умнее вопроса не придумала. Но надо было отвлечь его от моей персоны. Вдруг у них стоимость самки снижается, если ею уже кто-то попользовался?

Я когда-то читала нечто похожее в одной книге. Мол, с первого раза может «пометить», и потом другие уже не суются, потому что запах раздражает.

Вот до чего доводит чтение любовной фантастики без критического фильтра.

— А второе обличье у вас есть? — добавила я, делая глаза понаивнее.

Наивные вопросы, взмахи ресничками и немного восторженности привели к закономерной реакции. Сэт рассмеялся. Громко. От души. Показал ряд ровных белых зубов. Ну хоть кто-то здесь развлекается.

С другой стороны, мне действительно было интересно, кто он.

Оборотень? Метаморф? Инопланетный представитель тех самых рас, которые, если верить литературным просторам, с древности навещали Землю и пугали наших предков до появления мифов?

— Нет, второго облика у меня нет, — всё ещё посмеиваясь, ответил он. — Но если вас интересуют особенности моего вида, я готов их продемонстрировать.

Он вытянул руку и сжал пальцы в кулак. Я расширенными глазами наблюдала, как из костяшек у него выдвигаются тонкие острые лезвия.

Настоящие. Остренькие такие. Я даже поперхнулась. Ей-богу, Росомаха. А наши всё «Люди Икс», «мутанты»... Нет, дорогие мои, просто кто-то в Голливуде явно видел не того инопланетянина.

Сэт заметил мою реакцию и нахмурился. Ему явно что-то не понравилось.

— Вы так и не ответили на мой вопрос.

— Ась?

Прикинуться глупышкой оказалось несложно. Я ещё не отошла от зрелища с минимачете. Особенно от того, как они втягивались обратно.

— У вас когда овуляция?

Да уж. Его с цели не собьёшь. Настырный тип.

— Не знаю.

Похоже, я его разозлила. Иначе как объяснить то, что он резко поднялся и начал метаться по каморке, ругаясь на своём языке?

Честно? Мне его не было жаль. Ни капельки. Даже наоборот, где-то внутри я порадовалась своему умению качественно выносить мозг. Не знаю как, но у меня всегда получалось на интуитивном уровне находить линию поведения, которая раздраконит оппонента.

Очевидно, это касалось не только земных мужчин.

— Kropar right tan, — наконец резко произнёс он.

Остановился напротив меня. И потянулся к носу.

Я настороженно следила, как он двумя пальцами вытаскивает из ноздрей тонкие полупрозрачные штуки. Фильтры? Серьёзно? После этого Сэт втянул воздух. Глубоко. Слишком глубоко. Как пылесос, который внезапно решил заняться психологией.

— Вы расстроены, — сказал он. — Очень сильно разгневаны. Ещё вы боитесь. И этот страх преобладает над всеми эмоциями.

Он снова вдохнул. Я застыла.

— Но вы старательно держите эмоции при себе, — добавил он. — Значит, что-то задумали.

Вот и всё. Приехали. Если они настолько точно определяют эмоции по запаху, а всё это время его фильтры только глушили восприятие, то как мне теперь выкручиваться?

А что отсюда пора уносить ноги, ясно демонстрировало его лицо. С каждым словом оно становилось всё мрачнее.

Писец пришёл к тебе, Марусик. О ножки потирается, значит, ластится.

Любимое выражение Анютки. Она часто повторяла его после очередного моего приключения, найденного моей пятой точкой.

Одно дело — ощущать эмоции. Другое — понимать, почему человек их подавляет. А этот, судя по всему, неплохо познакомился с психологией земных женщин. Или просто имел неприятно рабочий мозг.

В его тигровых глазах появились нехорошие искорки. Заподозрил, бедненький, меня во всех смертных грехах. Раскаиваться я даже не думала. По сути, ничего ведь ещё не сделано. Так… наметки. Мечты. Творческое планирование будущего убийства.

Ой. Он помрачнел ещё сильнее. Неужели унюхал мою досаду и разочарование от того, что меня раскусили? Ну и пусть. Жалеть мне было не о чем. И от своих планов я тоже отказываться не собиралась.

С другой стороны, это даже к лучшему. Теперь можно не играть простоту и наивность. Меня и так глодали сомнения, что я долго выдержу роль милой доверчивой дурочки. Слишком глубоко сидела неприязнь к этому нехристю.

Я больше не стала сдерживаться. Поднялась с лежанки и встала прямо напротив него. Нас разделяло сантиметров пятьдесят.

Я не была маленькой — сто семьдесят пять сантиметров роста всё-таки. Так что задирать голову пришлось не слишком сильно. В ушах шумело.

Загоните зверька в угол — и увидите, как он будет бороться до последнего вдоха. А я человек. И до последнего буду отстаивать то, во что верю.

А вера моя проста: **око за око, зуб за зуб.** Мы смотрели друг другу в глаза. Искры почти сыпались в воздух. В моих — ненависть. Боль. Отчаяние. Страх. Паника, тщательно придавленная злостью.

В его — недоумение. И зарождающееся презрение. Презрение? Он будет смотреть на меня с презрением? Он? Тот, у кого нет никаких моральных ценностей? Тот, кто отнимает жизнь у беспомощного человека, а потом рассуждает о положении “самок” и правильном решении?

От этой мысли меня понесло окончательно. Будущего могло уже и не быть. И, если честно, в тот момент я не была уверена, что хочу его растягивать.

Не знаю, что он прочитал в моих глазах. Может, понял, что я действительно готова кинуться ему в горло, даже если он разорвёт меня через секунду. Может, их вид с самками не воюет. Может, ему просто стало противно.

Сэт едва заметно тряхнул львиной гривой. Потом отступил. Развернулся. И чеканным шагом вышел из каюты.

Глава 9. Слабость — это тоже выбор

Следующий раз желтоглазый решил посетить мою обитель только через сутки. Где-то ближе к обеду я уже начала подозревать, что меня решили заморить голодом. Но нет. Стоило этой мысли проскользнуть в голове, как пол посреди комнатёнки зарябил, а затем из него бесшумно вырос круглый короб.

Крышка с шипением открылась. Я узрела свою трапезу. Если честно, теперь я была в замешательстве. Если у них есть подобные технологии, зачем он каждый раз лично бегал за едой?

Инопланетная логика. Лучше не трогать — ещё укусит.

К вечеру я успела снова пройти полный курс самобичевания, саможаления и тихого бешенства. А что ещё делать в замкнутом пространстве?

Я даже подошла к той стене, где предположительно была дверь, и провела по ней ладонью. Ни шва. Ни кнопки. Ни малюсенькой щёлочки. Хотелось сказать “Сим-сим, откройся”, но до той стадии плавления мозга я пока не дошла.

Пока. Сбегать я не собиралась. Некуда. Но само осознание, что меня заперли, выводило из себя не хуже того, кто замуровал. В общем, промаявшись от безделья почти сутки, я завалилась спать.

Сон, естественно, был таким же беспокойным. Мне снились последние дни на Земле. Анька. Вера. Белая простыня. Морг. И чувство, что я всё время куда-то бегу, но всё равно не успеваю.

Проснулась разбитая и поникшая. А что лучше всего нормализует душевное равновесие? Правильно. Огонь и вода. За неимением первого переключаемся на второе.

Водопада или шикарного озера поблизости не наблюдалось, зато санитарная комната имелась.

Душ, я иду.

Дальнейшие события просто кричали об избитости сюжета многих женских романов, которые я когда-то глотала пачками.

Я должна была предположить подобный исход. Но то ли не подумала, то ли наоборот — где-то на интуитивном уровне именно этого и ждала.

Совсем недавно ведь решила “продать себя подороже”. Значит, надо было показать товар лицом. И не только лицом. В общем, суть дела это не меняет.

Выхожу я такая вся распаренная, с влажными медовыми волосами — между прочим, свежевыкрашенными, буквально неделю назад в салон ходила перед встречей с мэром, — вытираю их полотенцем и лицезрею…

Ну, не трудно догадаться. Его. Доусэт стоял посреди комнаты, сложив руки за спиной. Судя по напряжённой позе, до моего появления он успел нехило находить круги. Ждал, бедненький. Настроение, едва приподнятое водными процедурами, снова рухнуло куда-то ниже плинтуса.

— Нам необходимо поговорить.

От этой фразы я едва не упала на пятую точку. Теперь я начинала понимать мужчин, которым жена серьёзным тоном сообщает: “Нам надо поговорить”. Видимо, именно в этот момент они осознают, что ничего хорошего лично для них дальше не будет.

Или, по крайней мере, приятного.

— Кхм… да, конечно, — сказала я, стараясь выглядеть достойно.

Получалось плохо. Мокрое полотенце в руках. Волосы тоже мокрые. Хорошо хоть одета была в свои вещи, а не стояла перед ним нагая, как иллюстрация к разделу “ну вот и началось”.

Я присела на краешек кушетки. Он остался стоять. Ну что же, мы люди не гордые. Только голову повыше задерём. Мол, стой, холоп, напротив барыни.

— Я вчера долго размышлял, — начал он.

Затем ицтек выдержал паузу и продолжил:

— И пришёл к выводу, что могу понять причину вашей злости и паники, тьера. Вас насильно оторвали от дома. Там, скорее всего, остались семья, близкие родственники, друзья. Вас не волнуют причины, ставшие тому виной. Главное — вы теперь здесь. Вам страшно. И вы боитесь. А страх вас злит.

Всё это было так. И даже мило, что он оказался столь проницательным. Но он не знал одного маленького нюанса. Совсем малюсенького.

Вот такую внутреннюю беседу я вела сама с собой, пока он говорил. Просто отмалчиваться было не в моей натуре. А если бы я открыла рот не вовремя, вместо слов из него могли посыпаться проклятья.

Доусэт тем временем продолжал:

— К сожалению, сейчас вернуть вас домой я не могу. И это не в моей компетенции. Но я уверен, что по прилёте на Аттеру вы сможете уговорить астниеру капитана вернуть вас, если вам у нас не понравится. Со своей стороны я гарантирую поддержку в вашем стремлении и компенсацию всех неудобств. Я могу быть вашим гидом. Рассматривайте эту ситуацию как увлекательное путешествие в другую галактику. Так вам будет легче.

Готовился долго. В другой ситуации я бы даже растрогалась. Галантный убийца мне попался. Хотя… Вот тут и началась опасная часть. Потому что он говорил спокойно. Уверенно. Почти мягко. А ещё в его словах было это проклятое: **“не в моей компетенции”**.

Внутренняя, нежная, всепрощающая Мария тут же вцепилась в эту фразу обеими руками и начала искать ему оправдания. Может, от него правда ничего не зависело? Может, решение принимал капитан? Может, он всего лишь исполнитель? Может, он не знал? Может, он не жестокий?

Намного легче было поверить, что у капитана свои причины. Что он спасал свою астниеру. Что у этого желтоглазого просто не было выбора.

Но легче — не значит честнее. Даже если он исполнитель, его руки всё равно были в крови.

— Вы думаете, это так легко? — спросила я.

Слёзы вызвать оказалось нетрудно. Слишком много всего скакало внутри. И слишком трудно постоянно напоминать себе, кто стоит перед тобой, когда этот ицтек рядом включает своё обаяние и магнетизм на полную катушку.

Он растерялся. Оказывается, женские слёзы обезоруживают не только наших мужиков. Желтоглазый едва не подавился воздухом, который так старательно фильтровал. Взгляд забегал по стенам. Рука нырнула в гриву. Он даже переступил с ноги на ногу.

Надо же. Космос, патриархат, когти из костяшек — а слёзы всё ещё работают.

— Давайте попытаемся? — мягко предложил он, присаживаясь рядом. — Я вам помогу. Хотите, расскажу о Союзе и о населяющих его расах? Уверен, вам это будет интересно и поможет отвлечься от тоски по родине.

Как легко было поддаться. Просто на секунду. Забыть обо всём. Позволить кому-то другому говорить спокойным голосом. Я ведь вовсе не женщина-вамп и не холодная расчётливая акула, в которую пыталась себя превратить.

Я могла быть настойчивой. Но по головам никогда не ходила. Если продолжу в том же темпе, если переступлю через себя окончательно, то вскоре убью в себе доброго и отзывчивого человека.

А я не хотела. Я хотела остаться собой.

— Хочу, — всхлипнула я.

И в этот раз — искренне. Я не простила. Нет. И не забыла. А если шанс отомстить однажды сам упадёт мне в руки, я ещё посмотрю, насколько крепко держится моя новая мораль.

Но намеренно рвать себе душу ради мести прямо сейчас я больше не могла. Я устала. Господи, как же я устала. Наверное, это и было моим предательством.

Я хотела жить. И радоваться жизни. Хотя бы когда-нибудь. В ответ на моё “хочу” Доусет осторожно обнял меня. Сначала я напряглась. Потом не отстранилась.

Он начал мягко покачивать меня, что-то успокаивающе стрекоча на своём языке. Я не понимала слов, но тон был низкий, ровный, почти убаюкивающий. Это принятие его утешения добавило в душу ещё больше горечи. Потому что мне не было неприятно.

Наоборот.

От его ласковых поглаживаний я чувствовала себя маленькой девочкой, которую утешает взрослый мужчина. Сильный. Тёплый. Уверенный, что сейчас всё плохое можно хотя бы ненадолго отодвинуть.

От этого я зарыдала ещё горше. Принимая собственный эгоизм. Переставая бороться с собой. Я ничего не забуду. Но специально искать этот шанс больше не буду.

Я просто попробую жить дальше. Отпустить прошлое полностью не получится. Но хотя бы перестать каждый миг держать его зубами.

Пока я вела внутреннюю борьбу и заключала шаткое перемирие с собственной совестью, Доусэт тёрся носом о мои уже почти сухие волосы. Он перестал говорить.

Теперь то ли порыкивал, то ли шипел одобрительно. А я отчётливо ощущала вибрацию его грудной клетки под своей щекой. Тарахтение. Почти кошачье. Почти успокаивающее.

Я запрокинула голову, чтобы сказать, что уже успокоилась и готова к налаживанию контакта. Но он воспринял этот самый контакт по-своему.

Стоило мне приоткрыть рот, как он наклонился и коснулся моих губ. Сначала мягко. Осторожно. Будто пробовал на вкус. Я не оттолкнула. То ли не успела, то ли не захотела. Не знаю.

Эмоциональный всплеск ещё не отпустил, и я позволила этот поцелуй. Возможно, из слабости. Возможно, из усталости. Возможно, из затаённого любопытства — насколько сильно соплеменники Доусэта отличаются от людей.

Поначалу поцелуй был почти ласковым. Но постепенно становился глубже. Жаднее. Мои губы неспешно, со вкусом пили. Его властность давила не грубо, а уверенно, обещая покровительство. Его рот будто говорил со мной без слов: утешал, успокаивал, обещал защиту.

Он слегка сжал мою нижнюю губу, затем зализал “пострадавшее место” языком. И я поддалась этому мягкому напору. Слишком остро реагируя на утешение. Слишком долго оставаясь без опоры.

Каждой женщине, как бы она ни хорохорилась, иногда хочется быть слабой и защищённой. Из меня вырвался едва слышный стон. Капитуляция, тела.

Губы едва раскрылись — и Сэт, в отличие от меня, явно прекрасно владел собой и понимал, что делает. Он не потерял ни секунды. Уверенно нырнул языком в приоткрытый рот, мягко заставляя раскрыться шире.

И вот тут где-то глубоко внутри, под усталостью, под горечью, под обманчивым теплом чужих рук, тихо шевельнулась мысль:

Маша, а ты точно понимаешь, куда сейчас падаешь?

Моя уступка была вознаграждена одобрительным рокотом. Низким. Глухим. Почти звериным.

Доусэт крепче удержал мой затылок, перебирая пальцами влажные волосы. Его грудная клетка ходила под моими ладонями, и это живое, тяжёлое движение почему-то действовало сильнее любых слов.

Он целовал уверенно.

Сначала мягко, почти осторожно, будто давал мне возможность отступить. А потом глубже, настойчивее, требовательнее. Не грубо — нет. Но с той спокойной властностью, от которой у женщины внутри просыпается что-то древнее и глупое.

То самое, которое не спрашивает, кто перед тобой. Я глухо выдохнула ему в губы, не то пытаясь оттолкнуть, не то наоборот — удержать ближе. Его руки не давали мне дёрнуться, но и не причиняли боли. Просто удерживали так, будто я уже стала частью его пространства и любое моё движение теперь тоже принадлежало ему.

От этого внутри поднималась волна злости. И возбуждения. Самое мерзкое сочетание из возможных.

Глава 10. Глыба льда или Не стоит благодарности

Он целовал меня так, словно изучал. Губы, дыхание, реакцию, слабые места. Стоило мне чуть вздрогнуть — он тут же менял нажим. Стоило сорваться тихому звуку — возвращался к тому же движению снова.

Опытный, зараза. Слишком опытный. Когда его губы спустились к шее, я невольно запрокинула голову. Горячее дыхание коснулось кожи под ухом, и меня прошибло так, что пальцы сами вцепились в его красные волосы.

Он низко зарычал, одобрительно так. Затем снова вернулся к моим губам. Поцелуй стал жаднее. Глубже. Властнее. В нём уже почти не осталось утешения — только голодное, цепкое желание, которое ловко подстраивалось под мои ответы.

Я плавилась. Ненавидела себя за это, но плавилась.

Он не коснулся груди. Не сделал ничего такого, что я могла бы потом назвать грубым или откровенно непристойным. Но завёл меня сильнее, чем многие мужчины до него, которые считали себя, страшно сказать, мастерами женского удовольствия.

Я попыталась сдвинуться на его коленях, инстинктивно ища большего трения, большего давления, хоть какого-то облегчения этого разгорающегося зуда под кожей.

В ответ ицтек резко сжал мои бёдра. Не больно. Но достаточно властно, чтобы остановить. Потом одной рукой взял меня за волосы, заставляя поднять голову.

— Тьера, посмотрите на меня.

Я попыталась. Честное слово, попыталась.

Но взгляд расплывался, дыхание сбилось, тело требовало продолжения, а голова, наоборот, отчаянно пыталась собрать остатки достоинства в одну кучку и хотя бы накрыть их салфеткой.

— Посмотрите на меня, — повторил он.

На этот раз жёстче. Я сфокусировалась на его лице. И увидела глаза. Жёлтые. Холодные. Почти ледяные. Солнце должно греть, а не обжигать холодом.

Эта мысль отрезвила мгновенно. Женское самолюбие взвыло. Я сидела на нём, растрёпанная, тяжело дышащая, с губами, которые всё ещё помнили его рот. А он смотрел спокойно и собранно.

Я неловко поёрзала, пытаясь слезть с его коленей и избавиться от ощущения его тела под собой. Он дёрнулся, но не отпустил сразу.

— Д-да, конечно, — с трудом произнесла я, сглатывая и пытаясь сгладить неловкость момента.

— Вы успокоились? — спросил он.

Я застыла. Вот теперь захотелось вцепиться ему в глотку. Не мужчина, а глыба льда. Нелюдь. Нехристь. Да чтоб ему пусто стало.

— Своеобразный метод успокаивать разбушевавшихся девиц, — не удержалась я.

Слова вырвались сами. Мысленно я тут же отвесила себе пару пинков за несдержанность. Доусэт, кажется, даже не обиделся.

— Зато действенный.

Я посмотрела на него. И вдруг поняла: мне никогда не понять внеземной разум.

Проще отнести его к разряду парнокопытных мужского рода, населяющих Землю. Там хотя бы всё знакомо: самоуверенность, снисходительность и полная уверенность, что если женщина перестала рыдать, значит, проблема решена.

Видимо, моя внутренняя нежная Мария, начитавшаяся гор любовной фантастики, уже успела нарисовать воздушный замок.

Но передо мной был инопланетянин. С другим менталитетом, мышлением и нормами. Другим отношением к женщинам. Мне нужно было остыть. И как можно быстрее адаптироваться к новым реалиям.

Кто знает, может, меня действительно смогут вернуть домой. Он ведь сам это предположил. Так почему я должна из-за эмоций сбрасывать этот вариант со счёта?

Я выдавила слабую улыбку.

— Спасибо.

— Не стоит благодарности.

Конечно. Для него это, видимо, действительно было просто “успокоить самку”. А для меня — очередной повод вспомнить, что в этой реальности опасно додумывать за других чувства, которых они могли вообще не вкладывать.

Доусэт ки Тиар

Мне было трудно понять эту землянку.

Она совершенно не походила на астниеру капитана, хотя возможности ближе пообщаться с той у меня не было. И дело было даже не во внешности, хотя, честно признаться, впервые увидев на их планете такое изобилие и разнообразие самок, я опешил. Наши самки были куда более однотипны — в зависимости от расы, рода и происхождения.

Но эта… Эта землянка была вспыльчивой. Хитрой. Ранимой. И опасной именно потому, что пыталась спрятать свою опасность за показной покорностью.

Наладить с ней контакт было необходимо. Пусть за эти дни она и привыкла к моему присутствию, дальше дело не двигалось. Она всё ещё смотрела на меня с недоверием. Иногда — с холодной ненавистью. Иногда — с таким отчаянием, что мне приходилось напоминать себе: она чужая. Дикая. Непредсказуемая.

И всё же привитая с младенчества необходимость заботиться о самке не позволила мне тогда оставить её в лесу.

Хотя, если быть честным, об упущенной возможности я уже пожалел. Не единожды.

Я понимал, почему капитан согласился взять её на борт. Присутствие ещё одной земной самки могло быть приятно его Сие. Возможно, облегчило бы её состояние. Возможно, помогло бы лучше приспособиться.

Но втайне я желал отказа. Тогда я мог бы со спокойной совестью оставить землянку там, где нашёл. Теперь же приходилось возиться с ней. И что самое скверное — эту ношу я взвалил на себя сам.

Чтобы минимизировать вред её психологическому состоянию, я решил пока ограничить её общение с другими представителями Союза. Пусть сначала привыкнет ко мне. Потом можно будет представить её остальным.

Но невозможность распознавать полный спектр её эмоций мешала.

С фильтрами я улавливал лишь часть. Слишком мало, чтобы точно просчитать линию поведения. Это создавало неприятное ощущение, будто сам находишься под прицелом. И нервировало.

Я уже поддавался искушению снять фильтры. Вчера даже сделал это. А потом снова вставил. Вероятность того, что у землянки может начаться sitoilen, быстро остудила сиюминутный порыв.

В первый момент, столкнувшись с её затаёнными эмоциями, я вспылил. На планете она показалась милой и открытой. Здесь же пахла страхом, злостью и скрытым намерением.

Я сравнил её с нашими самками. И это было ошибкой. Снова та же ошибка. После общения с астниерой Драста я должен был усвоить: с землянками нельзя делать поспешных выводов. Они не укладываются в привычные схемы.

А выводы необходимо уметь делать. Это залог выживания. С женскими истериками бороться несложно. Достаточно перенаправить эмоциональный накал в другое русло.

Даже сквозь фильтры я прекрасно уловил аромат её возбуждения. Это оказалось неожиданно приятно. Почти азартно — выискивать всё новые точки, где её тело отзывалось быстрее, чем разум.

Но пора было остановиться. Я не собирался терять контроль. Похоже, это путешествие всё же могло принести свои плюсы. Землянка вполне способна его скрасить. В обиде я её не оставлю.

Если кто-то из аситинов положит на неё глаз, я всё равно предпочёл бы сначала сам узнать, каково это — обладать человеческой женщиной.

Но для этого нужно расположить её к себе. Добиться желания. И, желательно, не спровоцировать новую вспышку ненависти. Я посмотрел на её макушку. Слишком тихая.

По сравнению с прежней вспышкой гнева эта показная покорность настораживала. И всё же её реакция на мои действия не могла не радовать. Желание самки иметь тебя в партнёрах значительно повышало вероятность, что она останется под твоим покровительством.

Я настоящий сын своего отца. Он последние сто пятьдесят лет удерживает подле себя одну и ту же самку, умело играя на её чувственной несдержанности.

— Не стоит грустить, — сказал я мягко. — Я ведь обещал утолить ваше любопытство. Ну же, смелее. Спрашивайте.

Я подтолкнул её улыбкой. Самкам не пристало так долго расстраиваться. В сравнении с беззаботной малышкой капитана эта землянка была слишком сдержана в вопросах и порывах. Может, я недостаточно её отвлёк?

Я осторожно вдохнул. Нет. В каюте всё ещё стоял терпкий запах её возбуждения. Тогда почему она снова напряжена? Почему осторожна? Почему недовольство в ней растёт с каждой моей фразой?

Бедный Драст. Если за закрытыми дверями его Сия ведёт себя так же, ему можно только посочувствовать. Я снова посмотрел на землянку. И понял, что моего терпения надолго не хватит.

Маша

Ну я и спросила, лучше переключить внимание, иначе мысли о задетом эго до добра не доведут. к тому же разговор до моей истерики был важным и требовал некоторых уточнений. Как бы глупо с моей стороны ни было надеяться только на здравомыслие и доброту некой незнакомой женщины, я всё-таки решилась. А что мне оставалось?

Не выть же белугой на судьбу-злодейку. Как там Хайямчик писал? “Чтоб угодить судьбе — глушить необходимо ропот. Чтоб людям угодить — полезен льстивый шёпот…”

Ну вот. Будем глушить ропот и шептать льстиво, если понадобится.

Если же та женщина, эта самая астниера капитана, полностью ассимилировалась с их обществом, сошла с ума от счастья и не захочет помогать мне вернуться на Землю, придётся заранее подстелить соломку.

А что вы ожидали? От коварных планов я отказалась. Но про шкурку свою не забыла.

Поэтому пришлось смирить недовольство и принять участие в разговоре. Тем более Доусет был настроен доброжелательно. А доброжелательно настроенный нелюдь — ресурс. Неприятный, сомнительный, но ресурс.

— Вы уверены, что оситрина капитана сможет убедить вашего командира вернуть меня домой?

— Астниера, — мягко поправил меня желтоглазый.

Да хоть краб королевский.

— Почему нет? — продолжил он. — Она добра и сострадательна. Ей незачем будет держать вас возле себя, если вы будете несчастны.

— Слушая ваши отзывы, можно предположить, что вы описываете живое воплощение Марии Терезы.

Ну не виноватая я. Само вырвалось. К счастью, мой ироничный тон он либо не заметил, либо не понял. В который раз меня поражало, насколько у этих нелюдей мимика похожа на человеческую. Его выражение лица иначе как полным замешательством интерпретировать было невозможно.

— Неважно, — махнула я рукой. — Мысли вслух. А чем я там буду заниматься?

— Развлекать друг друга.

Я едва не ляпнула: “А поработай-ка ты, Машка, клоуном. На полставки”. Но блистать талантом непревзойдённого сатира смысла не было. Боюсь, здесь мой юмор не поймут. А потом ещё аукнется.

Самоиронией я и позже заняться успею. А вот этот вон какие дифирамбы чужой жене воспевает. Влюбился, что ли? Секундочку.

— Кхм… А разве её некому развлекать? — спросила я, старательно кося под глупышку. — Детей нет? Заняться нечем?

— Дети… Потомство, скорее всего, появится, когда Драст вернётся, — задумчиво проговорил Сет и снова принюхался. — Не переживайте. Вы заодно поможете в воспитании детёнышей. У аситинов этим занимаются исключительно самки.

Приплыли. Точно гарем. И как поэтично звучит — самки. Он что, подложить меня под своего капитана решил? Да не в жизнь. Спокойно, Маша. Вдох. Выдох. Не бей нелюдя подносом. Поднос казённый.

— И что, вариантов больше нет?

Глава 11. Лучшее из плохого

— Отчего же. Вы являетесь гостьей. Но если приглянётесь кому-то из достойных воинов, вас вполне могут сосватать. И тогда вы станете хозяйкой собственного дома.

— Вот же не повезло, — печально покачала я головой, представив открывающиеся перспективы.

— Простите?

Кажется, терпение заканчивалось не только у меня. Я тут же состроила глаза кота из небезызвестного мультфильма и добавила в голос умоляющие нотки:

— Вы ведь обещали мне экскурсии по планете.

— От своих слов я не отказываюсь. Но пока вы находитесь под юрисдикцией аситинов.

Он сделал паузу. Такую выразительную, почти театральную. А потом продолжил уже куда более вкрадчивым тоном:

— Однако вы можете выбрать моё покровительство. В таком случае никто не сможет вам что-либо запретить.

Так. А вот это уже начинает кое-что напоминать. И кто из нас после этого мышь? Сэт снова потянул свои загребущие руки к моим локонам.

Змей-искуситель местного разлива.

Моя некогда хвалёная интуиция просто вопила, что здесь всё не так чисто, как хотелось бы. Шестерёнки в голове живенько зашевелились, но никаких толковых и, главное, радостных идей так и не родили.

Только образ ошейника. И всего, что обычно к нему прилагается.

«Никто не сможет вам ничего запретить…»

Кроме меня.

Вот эта недосказанность и зазвенела в голове тревожными колокольчиками.

Заметив мои сомнения, желтоглазый решил подтолкнуть меня к нужному ему результату. Начал в красках рассказывать, как живёт его народ. Мол, свободы у самочек его расы куда больше, чем у тех же аситинов, которые сидят в своих бростах безвылазно.

Это я сейчас своими словами и очень вкратце пересказываю. Но, насколько поняла, гаремы у них точно имеются.

Ицтеки — так называлась его раса — оказались очень свободолюбивым и разносторонне развитым народом. Их женщины даже работают в правительстве. Правда, судя по интонациям и оговоркам Доусэта, занимают там далеко не самые высокие должности.

Этого он, конечно, вслух не говорил. Я сама догадалась. И покровителей они себе выбирают самостоятельно. Ага. Куда же без покровителей.

— Вы в любой момент сможете сменить покровителя, если к тому времени не будете на сносях, — продолжал он. — В противном случае придётся подождать. А после родов никто не станет вас удерживать.

— Какая разница? — сначала не поняла я, но по спине пробежал неприятный холодок. — Подождите. Только не говорите, что ребёнок в таком случае остаётся с отцом.

— Верно. Если самка в дальнейшем захочет навещать своего детёныша, это даже приветствуется. Правда, подобные случаи довольно редки.

Он произнёс это совершенно спокойно, будто речь шла о чём-то само собой разумеющемся. А я сидела и изо всех сил старалась не показать, насколько меня передёрнуло от услышанного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.